

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

На правах рукописи

КОПЫЛОВА Любовь Игоревна

Превентивная авторская экспертиза медиатекста

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по направлению «Журналистика»
(научно-исследовательская работа)

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент В.В. Васильева
Кафедра речевой коммуникации
Очная форма обучения

Вх. № _____ от _____
Секретарь ГАК _____

Санкт-Петербург
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Превентивная экспертиза как средство предупреждения судебных исков к медиатексту.....	8
1.1. Медиатекст в профессиональной деятельности журналиста.....	8
1.2. Понятие превентивной авторской экспертизы.....	11
1.3. Нормативно-правовые основы речевой деятельности журналиста.....	13
Глава 2. Речевые конструкции предъявления мнения и демонстрации оценки.....	17
2.1. Мнение в противопоставлении категорий «знание», «утверждение», «факт» и «событие».....	17
2.2. Мнение и оценка: категориальные сходства и различия.....	24
2.3. Речевая форма как предмет внимания лингвистической экспертизы.....	32
Глава 3. Инструменты превентивной экспертизы медиатекста.....	41
3.1. Отбор речевых средств выражения мнения в медиатексте.....	41
3.2. Формирование автореферентного высказывания.....	49
3.3. Коннотативный анализ лексики медиатекста.....	52
Заключение	59
Литература	62
Приложение. Лингвистические словари, рекомендуемые для судебно-лингвистической экспертизы (по данным на 2017 г.).....	70

Введение

Тема, заявленная в выпускной квалификационной работе, поставлена широко с определенной целью: ввести в активный научный оборот, что немаловажно, в журналистскую практику понятие «превентивная экспертиза» – особый вид саморедактирования как способ авторской работы над медиатекстом. При этом в рамках выпускной квалификационной работы мы, безусловно, не сможем охватить всех инструментов превентивной экспертизы и, анализируя эмпирический материал, остановимся на таких ее аспектах, как отбор речевых средств выражения мнения в медиатексте, формирование автореферентного высказывания и учёт словарных коннотаций.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, интересом к данным проблемам в научном дискурсе, с другой – их важностью для профессиональной журналистской деятельности в современных условиях.

Изучение проблем теории и практики судебной лингвистической экспертизы медиатекста связано по большей части с недавно возникшей отраслью прикладной лингвистики – юридической лингвистикой – и ее подотраслью – лингвистической экспертологией. Эти разделы языкознания появились в начале 90-х годов прошлого века на стыке двух дисциплин: правоведения и лингвистики. В связи с ее молодым возрастом эта прикладная наука имеет специфические проблемы и вопросы, начиная от конкретного обозначения данной отрасли в научном сообществе до возможности ее выделения в особую дисциплину, отличную от других лингвистических отраслей. Тем не менее судебная лингвистика решает в судебной практике главную проблему, связанную с речевыми правонарушениями: «использование каких языковых средств и в каких условиях речевой коммуникации (в каких сферах деятельности) должно быть предусмотрено

юридическими документами как наказуемое деяние».¹ На сегодняшний день можно выделить ряд исследователей, которые занимаются решением общетеоретических, методологических и методических проблем в области судебной лингвистики: К.И. Бринев, Е.И. Галяшина, В.А. Мишланов, А.В. Голованова, В.А. Салимовский, Н.Е. Васильева, М.Л. Подкатилина, М.Б. Ташлыкова, О.Л. Михалёва, Е.В. Стародворская, Г.В. Кусов, Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов и др. Исследователями отмечается важная роль юридической лингвистики в судебных спорах, связанных с текстами, размещёнными в массмедийном пространстве, – с медиатекстами.

Понятие «медиатекст», впервые появившееся в зарубежных научно-исследовательских работах 90-х гг. XX века (А. Белл, Т. ван Дейк, М. Монтгосмери, Р. Фаулер, Н. Фейерклаф), разрабатывается с разных точек зрения и направлений: функциональная стилистика, коммуникативная прагматика, социолингвистика, интенциональная стилистика и др. В российском научном сообществе вопросами теории медиатекста занимаются такие исследователи, как Т.Г. Добросклонская, Л.Р. Дускаева, Е.С. Карамурза, В.Г. Костомаров, И.В. Анненкова, Г.Я. Солганик, В.В. Варченко, Н.С. Цветова, Н.А. Кузьмина и др. В 2008 году Т.Г. Добросклонская предложила объединить исследования, предметом анализа которых является медиатекст и изучающие язык СМИ, в такую дисциплину, как «медиалингвистика». В 2011 году кафедрой речевой коммуникации СПбГУ был инициирован научный семинар, а затем и веб-ресурс «Медиалингвистика в XXI веке» (<http://medialing.spbu.ru/index/>), цель которого – способствовать изучению речевой деятельности в массмедиа. Российские и зарубежные исследователи обмениваются информацией и объединяют усилия для решения научных задач на страницах

¹ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С. 13.

международного научного журнала «Медиалингвистика» (<http://medialing.spbu.ru/part10/>).

Медиалингвистические исследования играют большую роль в решении вопросов юридической лингвистики: в современном правовом обществе число исков к авторам и средствам массовой информации неуклонно растет. Большая востребованность судебной лингвистической экспертизы повлекла за собой открытие ряда узкоспециализированных учреждений и организаций, целью которых является оптимизация и развитие деятельности судебной лингвистики. Так, в 2001 году в Москве была создана Гильдия экспертов-лингвистов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), целью которой является экспертная, научная, просветительская и издательская деятельность. Помимо этого, в Пермском, Кемеровском и других университетах были учреждены специальные лаборатории, задачами которых является создание судебных лингвистических экспертиз и теоретическая научная разработка новой дисциплины.

Объектом исследования в нашей работе является речевая деятельность в массмедиа, в результате которой появляется *конфликтогенный медиатекст*. Здесь важно отметить, что конфликтогенный текст отличается от конфликтного (породившего реальный конфликт) тем, что он потенциально может стать конфликтным, в данном случае – предметом юридического спора.

Предметом исследования являются способы и средства речевой выразительности в конфликтогенном медиатексте, которые могут быть расценены как речевое правонарушение, а также медиатексты, которые уже были предметом анализа эксперта-лингвиста.

Цель работы – предложить инструменты превентивной авторской экспертизы. В ВКР разрабатывается ряд требований к медиатексту, следование которым позволит журналисту, создающему текст об острых и серьезных общественных проблемах с использованием экспрессивных средств, не попадать в ситуацию предъявления к журналисту судебного иска.

М.В. Горбаневский, председатель правления ГЛЭДИС, справедливо считает, что в борьбе за правду необходимо «победить честно и достойно, не преступая Закон, не насилая для этого родную речь, не превращая тексты СМИ в гремучую смесь анекдота, примитивного жаргона и непристойных выражений, в помойное ведро компромата».²

Достижение поставленной в ВКР цели предполагает решение следующих **задач**:

1. описать терминологическую базу исследования, а именно таких понятий, как «медиа́тэкст», «превентивная экспертиза», «оценка», «мнение», «факт», «коннотация», «автореферентное высказывание» и другие;
2. изучить правовые основы судебной лингвистической экспертизы медиатекста;
3. обозначить специфику и процедуру экспертного филологического анализа медиатекстов;
4. изучить теоретические исследования, посвященные речевым конструкциям предъявления мнения;
5. проанализировать лексикографические проблемы судебно-лингвистических экспертиз медиатекстов и выявить их специфику;
6. рассмотреть статус автореферентного высказывания в конфликтогенном тексте с точки зрения судебной лингвистики;
7. исходя из проблемного поля данного исследования, найти и описать конкретные речевые конструкции в конфликтном медиатексте, подлежащие авторской правке;

Реализации указанных целей и задач подчинен выбор комплексной **методики анализа**, включающий новый «метод определения понятий»

² Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации./ под. ред. М.В. Горбаневского. М., 2002. С.15.

(С.Г. Корконосенко);³ описательный и сравнительный методы; лексико-семантический и коннотативный анализ.

Новизна исследования заключается в определении и обосновании необходимости использования в журналистской речевой деятельности «превентивной экспертизы» для предупреждения судебных исков к медиатексту.

Эмпирический материал составили 42 экспертных заключения (полученных автором ВКР от экспертов-лингвистов и найденные в открытом доступе) и корпус примеров, который формировался на основании прецедентного поиска (всего 14 публикаций в СМИ).

Структура выпускной квалификационной работы обусловлена решением исследовательских задач. В первой главе мы характеризуем медиатекст как результат речевой деятельности журналиста, даем определение понятия «превентивная авторская экспертиза», а также обозначаем нормативно-правовую базу, в рамках которой осуществляется профессиональная деятельность автора медиатекстов. Во второй главе описываются сущностные характеристики базовых понятий превентивной экспертизы (знание, утверждение, факт, событие, мнение, оценка), определяется круг лексикографических проблем в экспертизе. Третья глава посвящена трём инструментам превентивной экспертизы медиатекста: отбор речевых средств выражения мнения, формирование автореферентного высказывания и коннотативный анализ лексики.

Список литературы включает 50 наименований.

В приложении приводится список словарей, рекомендуемых для судебно-лингвистической экспертизы.

³ Корконосенко С.Г. Метод определения понятий в понимании журналистики // Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях: матер. научно-методич. семинара «Методы и методики понимания в журналистике и массовых коммуникациях» / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2015. URL:http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1443168382_8936.pdf (дата обращения 08.04.2017).

Глава 1. ПЕРЕВЕНТИВНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ИСКОВ К МЕДИАТЕКСТУ

1.1. Медиатекст в профессиональной деятельности журналиста

Современные средства массовой информации характеризуются мощным расширением информационных потоков и усилением их значения для каждого индивида и общества в целом. Главной причиной этого является прогрессивная динамика технических и информационных технологий. Эти изменения повлияли на трансформацию журналистского понятия «текст», который исторически использовался только в печатном виде, в усовершенствованную категорию «медиатекст», имеющую ряд специфических характеристик и свойств.

Сравнивая термины «текст» и «медиатекст» в журналистском дискурсе Я.Н. Засурский отмечает, что на данном этапе развития средств массовой информации медиатекст как новый продукт коммуникационной деятельности шире, чем текст: «Это и графика, которую используют для того, чтобы сделать текст более разносторонним и более точным, это и звуковое его воплощение, и связанность его с объектом рассмотрения, о котором идет речь. Медиатекст приобретает известные универсальные черты. Особенность медиатекста в том, что он может быть включен в разные медийные структуры»⁴ (вербальные, звуковые, визуальные, мультимедийные и т.д.). Автор, рассматривая медиатекст в интегрированной системе СМИ, определяет его как мультимедиатекст, создаваемый универсальным журналистом XXI века, который возможно использовать «в разных медийных обстоятельствах: в газете, в журнале, на радио, телевидении и, наконец, в Интернете и в мобильном телефоне».⁵

⁴ Засурский Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. №2. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11750045> (дата обращения 11.04.2017).

⁵ Там же.

Г.Я. Солганик так определяет значение изучаемого нами понятия: «Медиатекст – это разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского Я), рассчитанная на массовую аудиторию».⁶ Автор предлагает классификацию медиатекстов в зависимости от канала распространения массовой информации: радиальные, телевизионные, газетно-публицистические медиатексты.

Термин «медиатекст» можно воспринимать как гипероним целого ряда привычных терминов журналистского дискурса: журналистский текст, публицистический текст, газетный текст, радиотекст, телетекст, текст Интернет-СМИ, конвергентный текст и даже PR-текст или рекламный текст. Таким образом, мы понимаем, что сфера его применения широка: это не только журналистика, но и реклама и PR.

Н.А. Кузьмина определяет специфику медиатекста через внешние условия существования: а) особый тип и характер информации СМИ; б) производство «на поток», одноразовость, невозпроизводимость; в) коллективное производство медиапродукта; г) опосредованность общения и особый характер обратной связи; д) значимость технических средств, посредством которых транслируется сообщение; е) экономический параметр. В связи с этим автор определяет данное понятие «как динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций»,⁷ выделяя такие основные категории медиатекста, как медийность, массовость, интегративность (поликодовость), открытость (интертекстуальность).

⁶ Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. №2. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11750046> (дата обращения: 11.04.2017).

⁷ Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие. Омск, 2011. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20071898> (дата обращения 11.04.2017).

Анализируя исследовательские работы разных авторов, Н.В. Чичерина обобщает совокупность специфических характеристик медиатекста, а именно: «языковую специфику медиатекстов, которая определяется тем, что они рассчитаны на массовую аудиторию; динамический характер медиатекстов, проявляющийся на внутритекстовом, надтекстовом и гипертекстовом уровнях; многоплановость, многомерность, полифоничность, гетерогенность и интегральность медиатекстов, обусловленные развитием новых информационных технологий и конвергенцией средств массовой коммуникации, а также социально-регулятивную природу медиатекстов как уникального средства интерпретации и репрезентации реальности».⁸

При изучении понятия «медиатекст» важно учитывать и социокультурную среду – медиатекст появился и функционирует в эпоху постмодернизма, в которой господствует релятивизм ценностей, в связи с чем СМИ развивают «стёбовую», ироническую манеру интерпретации ценностных установок. Именно в этой среде возникает опасность появления «недоброкачественных журналистских и рекламных текстов»,⁹ которые противоречат гуманистическим концепциям, направлены «на агрессивность, эксплуатацию сексуальной тематики, потребительскую психологию, недобросовестный бизнес»¹⁰ и др. Профессиональная деятельность журналиста, придерживающегося данных принципов в речевой коммуникации, рано или поздно может привести к речевому правонарушению.

⁸ Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №47. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-mEDIATEKSTOV-kak-osnova-formirovaniya-mediagramotnosti> (дата обращения: 11.04.2017).

⁹ Лисицкая Л.Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-normy-i-lingvisticheskaya-bezopasnost-sovremennyh-mEDIATEKSTOV> (дата обращения: 11.04.2017)

¹⁰ Там же.

Один из способов избежать речевых конфликтов в судебной среде – это саморедактура. С этой целью мы вводим понятие **«превентивная экспертиза медиатекста»**, и с помощью исследовательского метода определения понятий, предложенного С.Г. Корконосенко, дадим его общую характеристику.

1.2. Понятие превентивной авторской экспертизы

Охарактеризуем применяемый нами метод определения понятий. С.Г. Корконосенко выделяет следующий алгоритм использования метода:

1. работа с данным методом предполагает определенную культуру мышления и навыков исследователя;
2. метод применяется для решения конкретной научно-познавательной задачи и с определенной исследовательской целью;
3. метод способен определить сущностные признаки понятия;
4. «определение формируется контекстуально»,¹¹ то есть зависит от научного и практического дискурса, от автора и его взглядов, от теоретической школы, которой следует ученый;
5. метод подчиняется правилам логики;
6. в гуманитарных науках, в частности в журналистике, возможны «неоднородные взаимосвязи между этапами познания».¹²

С учетом особенностей данного метода дадим определение разрабатываемого нами понятия: **превентивная экспертиза медиатекста – это комплекс мер по предупреждению судебных исков к медиатексту, основанный на авторском лингвистическом анализе использованных**

¹¹ Корконосенко С.Г. Метод определения понятий в понимании журналистики // Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях: матер. научно-методич. семинара «Методы и методики понимания в журналистике и массовых коммуникациях» / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2015. URL:http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1443168382_8936.pdf (дата обращения 08.04.2017).

¹² Там же.

средств и способов выразительности на предмет соблюдения в них речевой и правовой нормы.

Превентивная авторская экспертиза медиатекста разрабатывается нами на основе изучения судебной лингвистики и инструментов, используемых в судебной лингвистической экспертизе. Это своего рода **саморедактура**, цель которой ответить на вопрос: является ли медиатекст поводом для возникновения речевого правонарушения (преступления).

Перейдем к обоснованию необходимости данного понятия в научном дискурсе и практической речевой деятельности журналиста.

1. Совокупность знаний и теоретических представлений в лингвокриминалистике служила, в первую очередь, для лингвистов-экспертов, поскольку в данной научной отрасли не рассматривались именно превентивные меры. Выявление таких мер на основе инструментария лингвистического анализа экспертов позволяет реализовать главную цель превентивной авторской экспертизы – предупредить и защитить автора от привлечения к правовой ответственности.

2. Владение навыками превентивной экспертизы медиатекста помогает автору ориентироваться в возможностях применения языкового богатства и при этом соблюдать правовую норму.

3. Термин «превентивная экспертиза медиатекста» расширяет научные и практические знания в сфере медиаобразования.

4. Нередки случаи, когда субъект (группа лиц, организация), который упоминается в медиатексте, считает, что его права нарушаются. Такое восприятие медиатекста приводит к тому, что упомянутые в тексте лица вступают в конфликт с журналистом либо напрямую, либо через правовые институты и инстанции. При использовании автором медиатекста превентивной авторской экспертизы, журналист становится способным даже без привлечения лингвистической экспертизы (лингвиста-эксперта возможно привлечь к исследованию как в досудебном, так и в судебном разбирательстве) доказать свою правоту, что значительно упрощает

разрешение конфликта (в досудебном порядке) или ход судебного разбирательства.

На данном этапе нашего исследования представляется важным учесть существующую нормативно-правовую базу, регулиующую текстовую деятельность журналиста в профессиональном отношении.

1.3. Нормативно-правовые основы речевой деятельности журналиста

Правоведы насчитывают более 10 видов правонарушений, которые возникают при использовании специальных речевых конструкций, в частности – речевые правонарушения, связанные с экстремизмом. По данным статистики¹³ за 2015 год Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций было вынесено 134 предупреждения редакциям средств массовой информации на основе Федерального закона от 25.07.2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» за нарушение требований статьи 4 Закона «О СМИ» о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации. За первые три квартала 2016 года Роскомнадзор вынес 63 предупреждения. На сегодняшний день в федеральном списке экстремистских материалов содержится 3895 публикаций.¹⁴ Если учесть остальные гражданские и уголовные речевые правонарушения (речевые преступления), то статистика привлечения автора к ответственности окажется увеличенной во много раз.

Действия СМИ и журналистов регулируются Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 №2124-1. В частности, ответственность

¹³ Опубликованные результаты деятельности Роскомнадзора за 2015 год и 3 квартал 2016 года на официальном сайте. URL: <http://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/p449/> (дата обращения: 13.04.2017)

¹⁴ Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ. URL: http://minjust.ru/ru/nko/fedspisok/%C2%BB?field_extremist_content_value=&page=19 (дата обращения: 08.04.2017).

за злоупотребление свободой массовой информации и правами журналиста выносятся на основании статей 4, 50, 51, 59. Закон гласит, что нарушение требований влечет уголовную, административную, дисциплинарную и иную ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Рассмотрение судебных дел по привлечению к ответственности автора медиатекста основано на следующих речевых правонарушениях: клевета (ст.128.1 УК РФ); оскорбление (ст.5.61 КоАП РФ); распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (ст.150-152 ГК РФ); экстремистские речевые действия (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма) (ст.205.2 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст.280 УК РФ); плагиат (ст.146 УК РФ); возбуждение ненависти или вражды (ст.282 УК РФ); неуважение к суду (ст.297 УК РФ и т.п.) и др.

Поскольку медиатекст относится и к рекламной сфере, укажем, на основании каких проблем в рекламном медиатексте проводится судебно-лингвистическая экспертиза: диффамационные речевые действия (ст. 152 ГК РФ); клевета (ст. 128.1 УК РФ); оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ); плагиат (ст.146 УК РФ); незаконное использование тождественного или сходного до степени смешения словесного средства индивидуализации (ст. 1515 ГК РФ, ст. 14.10 КоАП РФ, ст. 180 УК РФ); и др.».¹⁵

В арбитражном производстве при рассмотрении гражданских и уголовных дел, поводом для которых послужил конфликтный медиатекст, возникает потребность привлечения эксперта-лингвиста. Вся деятельность эксперта определяется в суде в рамках Уголовно-процессуального кодекса РФ на основании статей 195-201. Процедура экспертизы медиатекста

¹⁵ Чернышева Т.В. Рекламный текст как объект лингвистической экспертизы // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (6-9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / отв. ред. В.В. Васильева. СПб., 2016. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1481115662_5389.pdf (дата обращения 19.04.2017).

заключается в том, что эксперт-лингвист отвечает на поставленные судом вопросы, ответы на них определяют, имеет ли место в анализируемом тексте речевое правонарушение. Эти вопросы формулируются в зависимости от обвинений, формулировок в законах и самого медиатекста. Например, если речь идет о клевете («распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию»),¹⁶ учитывается, что клевета «включает три признака: а) унижение чести и достоинства или подрыв репутации, б) умышленность этого деяния, в) ложность распространяемых сведений».¹⁷ В связи с тем, что лингвистический анализ не способен распознать в тексте умысел автора или доказать истинность/ложность приведенных сведений (это уже входит в обязанности ответчика), то эксперту-лингвисту могут быть заданы вопросы, касающиеся признака а):

1. имеются ли в тексте высказывания в форме утверждения о каких-либо конкретных фактах нарушения гражданином действующего законодательства или моральных принципов;

2. имеются ли в тексте сведения, унижающие честь и умаляющие достоинство гражданина, подрывающие его деловую репутацию;

3. имеются ли в тексте негативные сведения (негативная информация) о гражданине или его действиях, в каких конкретно фрагментах текста и т.п.

Приведем также пример с формулировками вопросов к эксперту-лингвисту для определения наличия в медиатексте оскорбления. Согласно КоАП РФ, оскорбление – это «унижение чести и достоинства другого лица,

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8a73d26dba7976d6c43cc94aa1515368fef256f0/ (дата обращения 18.04.2017).

¹⁷ Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004. URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/3.pdf> (дата обращения 18.04.2017).

выраженное в неприличной форме».¹⁸ Здесь присутствуют следующие признаки оскорбления: а) унижение чести и достоинства, б) неприличная форма. Какие вопросы в связи с этим задаются эксперту:

1. носят ли высказывания в тексте, относящиеся к гражданину, оскорбительный характер;
2. имеется ли в тексте отрицательная оценка (или оценочное суждение) личности гражданина, в какой форме она выражена, соответствует ли она интенции унижения или умаления чести и достоинства и др.

Из приведенных примеров видно, что эксперт-лингвист должен обладать специальными познаниями и разбираться в базовых понятиях судебной лингвистической экспертизы: значение и смысл, диктум и модус, факт, утверждение о факте, оценка, оценочное суждение, мнение, коннотация, манипулятивное воздействие, призыв и многое другое. Эти категории должны, на наш взгляд, быть осознаны и автором медиатекста при проведении превентивной экспертизы. Но на деле все происходит по-другому.

Когда журналисты сталкиваются с судебными исками в их адрес, они, в силу своих малых познаний в области медиатекста, оказываются неспособными доказать свою правоту или вообще отказываются от судебной лингвистической экспертизы. По мнению судьи Оренбургского областного суда И.Ф. Селютиной, «журналисты зачастую сами не понимают разницы между такими понятиями, как «утверждение», «оценка», «мнение», их возражения по иску в основном сводятся к доказыванию достоверности изложенных сведений».¹⁹ Именно эти понятия мы рассмотрим в следующей главе.

¹⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 18.04.2017).

¹⁹ Волхонская Ю. Интервью с судьей Селютиной И.Ф. // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2002. С.266.

Глава 2. РЕЧЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ МНЕНИЯ И ДЕМОНСТРАЦИИ ОЦЕНКИ

2.1. Мнение в противопоставлении категорий «знание», «утверждение», «факт» и «событие»

Языковые значения терминологических слов, обозначающих исследуемые нами категории, достаточно неоднородны, поэтому важно четко их разграничивать, рассматривая в бинарных противопоставлениях. В различных научных дисциплинах понятия «мнение» и «оценка» сравнивают со следующими категориями: «знание» (в языкознании и философии), «утверждение факта», «факт» или «событие» (в судебной лингвистике). Разберем каждое из данных понятий, для того чтобы разграничивать их в медиатексте и выявить предмет нашего исследования.

Предметно-логическое значение слова «знание», как свидетельствует толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, это «результат познания, совокупность сведений в какой-нибудь области».²⁰ Противопоставление понятий «мнение» и «знание» берет свое начало в философии со времен Парменида, Платона, Аристотеля. Знание становится центральным понятием и определяется такими характеристиками, как «умопостигаемость, истинность, верифицируемость»²¹ и т.д. В свою очередь, мнение признается как то, что не подходит под критерии знания.

Философские представления продолжали развивать лингвистические исследования. В научных работах Л. Витгейнштейна мнения определяются «как пропозиции, нуждающиеся в подтверждении или аргументации»,²² а знания – пропозиции, не нуждающиеся в доказательстве. В научных трудах

²⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9279> (дата обращения 13.01.2017)

²¹ Иванова Г.Ф. О мнениях и оценках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-mneniyah-i-otsenkah> (дата обращения: 13.01.2017).

²² Там же.

Ю.Д. Апресяна главное отличие между этими категориями «определяется их отношением к истинности той пропозиции, в которой сообщается содержание данного знания или мнения. Знание принадлежит к классу фактивных предикатов, важнейшим свойством которых является так называемая пресуппозиция истинности знания, то есть сохранения свойства истинности подчиненной пропозиции под отрицанием. Предложения: *Он знал, что друзья его предали; Он не знал, что друзья его предали*, – в равной мере утверждают факт предательства друзей. Мнение принадлежит к классу путативных предикатов, которые не предполагают обязательной истинности того, что человек считает».²³

Параметр истинности также является признаком различия мнения и знания у исследователя М.А. Дмитривской. По ее мнению, знание тесно переплетено с истинностной оценкой, а мнение – с вероятностной.

А.А. Зализняк полагает, что «знание и мнение представляют собой независимые когнитивные установки, имеющие различную природу, что проявляется в функционировании соответствующих языковых единиц».²⁴ Различная природа этих категорий выражается в том, что источником знания является «непосредственное чувственное восприятие»,²⁵ источником полагания – рассуждения, сравнения фактов и т.д. Важным фактором здесь выступает понятие «уверенность»: мнение имеет различные степени уверенности, а знание вовсе не обладает таким параметром. Мнение и знание отличаются также тем, «какие пропозиции могут быть объектом той или иной когнитивной установки. Одни пропозиции – верифицируемые – могут быть объектом как мнения, так и знания, а другие – неверифицируемые – могут быть лишь объектом мнения».²⁶

²³Иванова Г.Ф. О мнениях и оценках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-mneniyah-i-otsenkah> (дата обращения: 13.01.2017).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Исходя из сказанного, можно заключить, что мнение лежит «в области между установленным знанием и верой».²⁷ Чаще всего мнение – это субъективная точка зрения, которая не дает полных и окончательных гарантий знания.

Судебная лингвистика требует четкого разграничения категорий «утверждение» и «мнение». Как считает К.И. Бринев, главным основанием для этого послужило следующее: «утверждения о фактах сообщают то, что имело место в реальности, а мнения сообщают о том, какой образ реальной ситуации сложился в ментальности говорящего».²⁸ Например, в статье «РИА Новости» мы видим следующий факт: *Ранее в апреле депутат Госдумы Виталий Милонов внес в Госдуму законопроект, призванный урегулировать деятельность социальных сетей*, и мнение по поводу этого факта, который создает образ ситуации: *Глава Роскомнадзора Александр Жаров считает невозможным запрет на регистрацию в соцсетях детей.*²⁹

Утверждение определяется как «высказывание, соотнесенное с некоторым внеречевым событием (фактом), иначе говоря, утверждение есть языковой знак, референтом которого являются события и факты».³⁰ Исследователи Т.Б. Радбиль и В.А. Юматов полагают, что утверждение – это речевой акт, который «соответствует определенному интенциональному (психологическому) состоянию говорящего – состоянию знания».³¹ Таким образом, в обоих определениях выделяются знание и факт, как неотъемлемые составляющие утверждения.

²⁷ Иванова Г.Ф. О мнениях и оценках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-mneniyah-i-otsenkah> (дата обращения: 13.01.2017).

²⁸ Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2013. С.92.

²⁹ Невозможно запретить детям сидеть в соцсетях, считает глава Роскомнадзора // Интернет-сайт «РИА новости» от 19.04.2017. URL: <https://ria.ru/society/20170419/1492589619.html> (дата обращения 19.04.2017).

³⁰ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С.72.

³¹ Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник ННГУ. 2013. №1-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-perspektivy-primeneniya-teorii-rechevyh-aktov-v-lingvisticheskoy-ekspertize> (дата обращения: 13.01.2017).

Некоторые исследователи в области судебной лингвистики употребляют понятие «утверждение о факте», соединяя воедино две составляющие – речевой акт и речевую единицу. В справочнике по судебной лингвистической экспертизе утверждение о факте – это «высказывание, которое в отличие от оценочных и директивных высказываний может быть истинным или ложным».³² Получается, главным параметром утверждения о факте является критерий истинности (как и главным критерием знания), то есть оно может соответствовать или не соответствовать действительности. Ранее мы упоминали о том, что мнение, наоборот, не пересекается с параметром истинности, зато «оно может быть обоснованным или необоснованным, то есть опираться или не опираться на соответствующие действительности факты и события».³³

Проблемы обоснованности мнения в массмедийном пространстве зачастую становятся инфоповодами. В качестве примера можно привести скандал, разразившийся в декабре 2016 г. скандал вокруг кинокартины «Матильда» Алексея Учителя: *...Поклонская инициирует проверку фильма после получения обращения от общественного движения «Царский крест», которое считает картину «угрозой национальной безопасности». Режиссер, в свою очередь, заявил, что картина еще не закончена, а продюсер Александр Достман назвал претензии общественных деятелей надуманными.*³⁴ Через некоторое время из новостей мы узнаем, что депутат Госдумы Н.В. Поклонская для обоснования этой точки зрения привлекла заключение комиссии экспертов.

Хуже дела обстоят, когда для обоснования собственного мнения прибегают к фальсификации данных. При этом рядовому адресату СМИ

³² Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2013. С.92.

³³ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С.73.

³⁴ Поклонская попросила генпрокурора проверить фильм «Матильда» // Интернет-сайт «РИА Новости» от 02.11.2016. URL: <https://ria.ru/society/20161102/1480509271.html> (дата обращения 19.04.2017)

порой трудно разобраться в том, была ли фальсификация, или же обвинение в ней, в свою очередь, фальсифицировано. Так, в одной из программ телеканала «РЕН ТВ» журналиста Матвея Ганапольского обвинили в том, что 4 ноября 2015 года на украинском телеканале «Newsone» он сфальсифицировал данные одного видеоролика, снятого телеканалом «РЕН ТВ» в честь Дня Победы. В эфире М. Ганапольский представил события на видео как постановочную съемку митинга в День народного единства в Севастополе и на основании этих кадров высказал неодобрительную оценку политики российских федеральных каналов.³⁵

По внешним грамматическим параметрам утверждение о фактах представлено в форме повествовательного предложения или риторического вопроса. Например, риторический вопрос, заключенный в высказывании: *Вы знаете, иногда я спрашиваю себя: неужели мне в самом деле 110 лет? – призналась она. – Потому что я не чувствую себя на 110.*³⁶ Факт, заключенный в риторический вопрос, имеет коннотацию удивления и мог бы выглядеть как повествовательное предложение (*Я удивлена, что мне в самом деле 110 лет*) или как риторическое восклицание (*Мне в самом деле 110 лет!*).

Отсутствие сегментных (вербальных) маркеров мнения, имеются в виду «слова (чаще всего вводно-модальные), выражающие неуверенность или сомнение»,³⁷ является признаком того, что перед нами утверждение факта или события. Данные маркеры представляют собой, «во-первых, эксплицитное указание на носителя мнения, а во-вторых, лексические

³⁵ Ганапольского уличили в грандиозной лжи и провокации ко Дню народного единства // Официальный сайт телеканала «РЕН ТВ» от 06.11.2015. URL: <http://ren.tv/novosti/2015-11-06/ganapolskogo-ulichili-v-grandioznoy-lzhi-i-provokacii-ko-dnyu-narodnogo-edinstva> (дата обращения 19.04.2017)

³⁶ Вайолет Мосс Браун. Старейшим человеком в мире признали жительницу Ямайки // Сайт издания «Лента.ру» от 17.04.2017 URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/17/oldest/> (дата обращения 19.04.2017)

³⁷ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С.72.

маркеры мнения (модуса предположения), например, *по моему мнению, я думаю, я полагаю, я считаю*, в том числе и «почти утверждения - риторические восклицания вида *Вряд ли можно сомневаться в том, что...*»³⁸

С точки зрения превентивной экспертизы, важным является противопоставление утверждения о фактах и предположения (своего рода разновидность полагания). Поскольку именно применение конструкций предположения снимает ответственность с говорящего за истинность высказывания и оставляет право на ошибку. Как, например, в следующем предложении: *Возможно, он виноват в киберпреступлениях в банковской сфере.*³⁹

Необходимо отметить, что понятия «утверждение» и «мнение», которые прямо противопоставляются в судебной лингвистике для целей экспертизы, все же имеют разную природу: утверждение – это речевой акт, а мнение – речевая единица. Категория, которая в этом случае может быть полярной по отношению к исследуемой, называется фактом (или событием).

В стилистике и литературном редактировании фактом (от лат. *factum* – дело, деяние) является «действительное невымышленное событие, происшествие или явление, то есть это одна из форм человеческого знания»,⁴⁰ обладающая достоверностью. Например: *Лемери был протестантом.*⁴¹ Следуя справочнику по судебной лингвистической экспертизе, «факт – это положение дел в реальном мире, делающее высказывания истинными или ложными; реальное событие (события), которое происходило (происходит) в конкретное время и в конкретном

³⁸ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С.73.

³⁹ В Израиле задержали россиянина // Новостной портал «Территория новостей» от 27.12.2015. URL: <http://nter.net.ua/exclusive/v-izraile-zaderzhali-rossiyanina/179141> (дата обращения 19.04.2017).

⁴⁰ Базанова А.Е. Литературное редактирование: Учеб. пособие. Ч.1. М., 2006. URL: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=111&p=17777> (Дата обращения 13.01.2017).

⁴¹ Михаил Карпов. Достали // Сайт издания «Лента.ру» от 19.04.2017 URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/19/alchemy/> (дата обращения 20.14.2017).

месте».⁴² В указанной исследовательской работе приводится одна концепция, в которой факт определяется как «верифицированное истинное интерсубъективное суждение» и приводятся этапы становления факта:

1. в реальности происходит некоторое событие;
2. субъект выделяет некоторый аспект в этом событии;
3. субъект формирует суждение об этом событии;
4. субъект проверяет (верифицирует) высказывание об этом событии;
5. если высказывание в результате проверки оказалось истинным, то в результате имеем факт = верифицированное истинное высказывание о событии.

Событие – это «точно фиксированный в пространстве и во времени шаг в общественном процессе».⁴³ Ключевая категория события – это движение, происходившее во времени и пространстве, завершившееся с определенным результатом и в основе которого чаще всего лежат совершаемые кем-то действия. К примеру, *уроженца Киргизии Азимова задержали 17 апреля в Одинцовском районе Подмосковья*⁴⁴ – указание на участника, время, место и результат события.

Суммируя сказанное, заключим, что разграничение факта и мнения можно свести к нескольким тезисам.

1. Мнение содержит вероятную оценку, а факт – истинностную.
2. Факт формируется в результате восприятия человеком действительности, а мнение – в результате умственной деятельности.
3. Мнение маркируется модальными словами и конструкциями, факт такими конструкциями не маркируется.

⁴² Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2013. С.95.

⁴³ Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / под ред. Л.Р. Дускаевой. М., 2016. С.162.

⁴⁴ Генконсул объяснил, как петербургский террорист получил гражданство России // Интернет-сайт «РИА Новости» от 19.04.2017. URL: <https://ria.ru/incidents/20170419/1492594584.html> (дата обращения 19.04.2017).

4. Факт проверяется на предмет соответствия действительности (истинность / ложность), мнение не проверяется (обоснованность / необоснованность).

5. Факт – это то, что принадлежит действительности, мнение – то, что не принадлежит действительности, но является частью картины мира говорящего.

2.2. Мнение и оценка: категориальные сходства и различия

Категория оценки представляет собой «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. В общезыковом плане оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений и характеризуется особой структурой – модальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим, ни с синтаксическим построением».⁴⁵ В основе оценки лежит понятие ценности, определяемое в аксиологии как значение объекта для субъекта.

Для нашего исследования интересной представляется позиция А.А. Карамовой по поводу определения понятия «оценка». Исследователь полагает, что «оценка противопоставлена денотации по принципу отображения действительности: если дескриптивное содержание отражает реальный, объективно существующий мир, то оценочное – отношение между существующим миром и его идеализированной моделью».⁴⁶

Элементами оценочной модальной рамки являются субъект, объект (предмет), характер и основание. Более того, в структуру оценочных суждений также входят стереотипы, аксиологический предикат, оценочные

⁴⁵ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2006. С.139.

⁴⁶ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.16.

классификаторы, аспект, шкала оценок, мотивировки и оценочные средства. Мы рассмотрим только четыре основных структурных компонента оценки.

Под субъектом оценки понимается «лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки»,⁴⁷ а также «субъект, для которого предмет или событие имеет ценность».⁴⁸ Принято считать, что оценка всегда субъективна, о чем свидетельствует как наличие субъекта, так и его активное участие в оценочной структуре. Например: *В феврале **Билл О'Рейли** в интервью с президентом США Дональдом Трампом напомнил об обвинениях, которые Запад выдвигал в адрес Москвы, и назвал Путина «убийцей»*⁴⁹ – серьезное высказывание американского журналиста основано на его обвинительной оценке действий президента, и здесь нам важно, кто является субъектом оценочного суждения и какова его система ценностей. Тем более что после данного высказывания в эфире журналист понёс дисциплинарную ответственность – увольнение с телеканала «FoxNews».

Предмет оценок – это «те объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются».⁵⁰ Другими словами, предметом оценки является непосредственно оцениваемый объект. Возвращаясь к предыдущему примеру, отметим, что предметом оценки журналиста стали действия президента В.В. Путина.

Характер оценки «связан с различием абсолютных и сравнительных оценок»,⁵¹ которые отличаются по выраженному ими характеру сравнения. Все оценки могут быть разделены на две группы: абсолютные (*хороший-плохой, добро-зло, безразлично*) и сравнительные (*лучше, хуже, равноценно*). То есть характер абсолютной оценки определяется тем, расценивается ли

⁴⁷ Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970. С.21.

⁴⁸ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М, 2009. С.19.

⁴⁹ Оскорбившего Путина журналиста уволили из FoxNews // Интернет-сайт «РИА Новости» от 19.04.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170419/1492625762.html> (дата обращения 19.04.2017).

⁵⁰ Ивин А.А. Указ. соч. С.22.

⁵¹ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.18.

предмет как *хороший*, *плохой* или *безразличный*; а характер сравнительной оценки – тем, расценивается ли предмет по отношению к другому как *худший*, *лучший* или *равноценный*. Приведем пример: *Впервые она была признана **красивейшей** женщиной планеты в 1991 года в возрасте 23 лет, через год после выхода **прославившего** ее фильма «Красотка».*⁵² Эпитет *красивейшая* является сравнительной оценкой, а эпитет *прославивший* – абсолютной.

Основание оценки включает в себя то, с точки зрения чего оценивается предмет (чувство, польза, восприятие и т.д.). Основание оценки – «это та позиция или те доводы, которые склоняют субъекта к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами».⁵³ К примеру: ***Ненавистная офисная рутина** преследовала девушку даже после бегства на фургоне.*⁵⁴ Исходя из данной оценки, мы понимаем, что девушка испытывает чувство отвращения к бывшей работе в офисе, которая ей не нравилась по разным причинам: это может быть скука, цикличность действий, стрессовые ситуации, отягощающая ответственность, нереализованность, конфликты с начальством и многое другое – эти ситуации, чувства и являются основанием оценки *ненавистная офисная рутина*, однако основную причину мы выявить в данном примере все же не можем. Категория «основание оценок» является в логике достаточно неоднозначным понятием, поскольку зачастую определить истинное основание оценки не так просто, и они могут не находить явного выражения в речи.

В научном дискурсе существуют различные классификации оценочных суждений. Выделим основные из них:

⁵² People в пятый раз признал Джулию Робертс самой красивой женщиной в мире // Сайт издания «Лента.ру» от 19.04.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/19/themostbeautiful/> (дата обращения 19.04.2017).

⁵³ Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970. С.24.

⁵⁴ Олег Парамонов. Романтика на колесах // Сайт издания «Лента.ру» от 19.04.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/19/vanlife/> (дата обращения 19.04.2017).

1. *Частнооценочные и общеоценочные* (по степени соотношения в них объективного и субъективного).

«Частнооценочные выражения дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения, тогда как общеоценочные способны еще и разносторонне охарактеризовать предмет. Собственно, оценочные предикаты не указывают на реальные свойства предмета. Чаще всего они употребляются для характеристики совокупности свойств предмета (*хороший человек*), но способны также охарактеризовать предмет с определенной точки зрения, являясь эквивалентом частнооценочного значения (*хороший поступок*). В таком случае предмет оценки указывает на оцениваемые свойства, то есть основания оценки. В частнооценочном значении такое указание содержится в самой семантике: *полезный совет* – утилитарное основание».⁵⁵ Это и берется за основание представленных нами классификаций частных оценок.

Классификацию частнооценочных высказываний дает в своём исследовании⁵⁶ Н.Д. Арутюнова, выделяя три группы и семь разрядов:

- сенсорные оценки:
 - 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические – то, что нравится (*приятный / неприятный*),
 - 2) психологические:
 - а) интеллектуальные (*интересный / неинтересный*),
 - б) эмоциональные (*радостный / печальный*);
- сублимированные, или абсолютные, оценки:
 - 1) эстетические, основанные на синтезе сенсорных и психологических (*красивый / некрасивый*),
 - 2) этические, подразумевающие нормы (*моральный / аморальный*);

⁵⁵ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.25.

⁵⁶ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека М., 1999. С. 198–200.

- рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека:

- 1) утилитарные (*полезный / вредный*),
- 2) нормативные (*правильный / неправильный*),
- 3) телеологические (*эффективный / неэффективный*).

Существует классификация оценок Фон Вригта, выражаемых общеоценочными высказываниями: 1) инструментальные (*хороший нож, хорошая ищайка*); 2) технические оценки или оценки мастерства (*хороший администратор, плохой специалист*); 3) оценки благоприятствования (*плохой / вредный для здоровья*) и его производная – этическая оценка (*хороший поступок*); 4) утилитарные (предыдущий тип может рассматриваться как частный случай утилитарных оценок) (*хороший совет, хороший план, хорошая возможность*); 5) медицинские, характеризующие физические органы или психические способности (*хорошее сердце; хороший вкус*).⁵⁷ Сам исследователь «не считает, что его классификация исчерпывает все многообразие употребления оценочных предикатов. Речь идет о выделении опорных категорий».⁵⁸ В своей научной работе А.А. Карамова считает, что «эта классификация демонстрирует возможность общей оценки замещать частнооценочные значения... В итоге получается, что общие оценки, не имея по своей природе возможности указать частные свойства предметов, превращают данную типологию в классификацию объектов».⁵⁹

2. *Рациональные и эмоциональные* (по характеру оценки).

Рациональная оценка «основана на логических суждениях о ценности предмета и всегда выражается понятийным содержанием языковых значений (*хороший, плохой, полезный*)».⁶⁰ Эмоциональная оценка «сопряжена с выражением эмоционального отношения к объекту, поэтому основным

⁵⁷ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека М., 1999. С. 189.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.26.

⁶⁰ Там же. С.36.

свойством эмоциональной оценки следует считать ее способность обладать воздействующими силами». ⁶¹

В научных работах Н.А. Лукьяновой и Т.А. Графовой описываются два типа эмоциональной оценки: положительная и отрицательная. «Мелиоративную оценку выражают следующие эмоционально-оценочные отношения: одобрения (*хват*), ласки, ласкательности (*золотце*), удовольствия (*вкуснятина*), восторга, восклицания (*прелесть*). Пейоративную оценку – неодобрения, осуждения (*негодяй*) пренебрежения (*мужичонка*), презрения (*крючоктвор*), отвращения (*гадость*), омерзения (*мерзость*), недовольства, возмущения (*возмутительный*), сарказма (*приплыли*), шутки (*карапуз*), уничижения (*старикашка*), иронии». ⁶²

Важно также отметить, что эмоциональная оценка тесно пересекается с понятием «экспрессивность», поэтому именно с помощью эмоциональной оценки можно передать экспрессию в медиатексте. Приведем пример: *Гарри Поттер – провозвестник Антихриста, он готовит почву для того, кто придет подменить собой Христа!*.⁶³ Во-первых, экспрессия передается с помощью восклицательного предложения, во-вторых, словосочетанием *провозвестник Антихриста*, то есть Гарри Поттер воспринимается автором, как человек, который торжественно возвещает прибытие главного воплощения зла в христианстве. Высказывание содержит эмоциональную пейоративную оценку осуждения с целью защитить детей (из контекста: *...чудо – его волшебство, с помощью которого он овладевает душами наших детей*) и всех людей от восторгов о поводе известного персонажа фильма.

Перейдем непосредственно к изучению категории мнения с точки зрения оценочности. Мнение – это «суждение, в котором говорящий

⁶¹ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.36.

⁶² Там же. С.27.

⁶³ Антон Скрипунов. Испытание "Матильдой": какие еще фильмы невзлюбили верующие // Интернет-сайт «РИА Новости» от 18.04.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170418/1492473382.html> (дата обращения 20.04.2017).

высказывает свою точку зрения на действительность».⁶⁴ В Словаре русского языка понятие «мнение» определяется как «суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-чему-нибудь, взгляд на что-нибудь».⁶⁵ Синонимами понятия являются следующие результаты мыслительной деятельности: суждение, соображение, позиция, взгляд, воззрение, точка зрения и др. Таким образом, можно отметить многозначность данного понятия, субъективный характер его формирования, имеющий непосредственное отношение к мыслительным процессам субъекта.

В результате научных исследований⁶⁶ Г.Ф. Иванова формулирует следующие характеристики мнения.

1. Мнение – это результат и показатель чьей-то рассудочной деятельности, оно обязательно имеет своего автора.

2. Мнение – это суждение говорящего о «положении вещей» в мире. Это уникальная индивидуальная интерпретация мира или фрагмента реальности, представленная посредством способа ее описания – точки зрения.

3. Мнение можно назвать результатом мыслительного процесса субъекта познания.

4. Пропозиционные предикаты, вводящие суждения мнения, являются теми языковыми единицами, которые отражают осознание человеком собственного мыслительного процесса и представляют его результат.

5. Отношение, передаваемое глаголами мнения, связывает, с одной стороны, субъекты мнения, и, с другой стороны, все многообразие суждений (отношений оценок), которые могут стать содержанием мнения. Получается,

⁶⁴ Иванова Г.Ф. О мнениях и оценках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-mneniyah-i-otsenkah> (дата обращения: 13.01.2017).

⁶⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14574>(дата обращения 13.01.2017)

⁶⁶ Иванова Г.Ф. Указ. соч.

что в выражении мнения соотносимыми объектами являются человек и его мысль.

Категория оценки лежит в плоскости мнений, являющихся результатом обобщения жизненного опыта людей. Поэтому справедливо будет сказать, что оценка – это мнение о важности, весомости, ценности, нужности, полезности, целесообразности, эстетичности, этичности и т.д. (одним словом, о значимости). Но при этом невозможно сказать, что мнение есть оценка, поскольку существует такой тип мнений, когда оценочные выражения не проявляются в речи (пример: *Следователи считают, что именно он оставил взрывное устройство на станции «Площадь Восстания», а потом взорвал себя в вагоне поезда*).⁶⁷ В таком случае говорящий относит свое высказывание не с аксиологической оценкой, а с такими понятиями, как предположение о факте, уверенность или неуверенность, гипотетичность, достоверность или недостоверность, возможность и др. В связи с этим различают два вида мнений: мнение-оценка и мнение-предположение о факте.⁶⁸

Мнением-предположением обозначают «установку относительно верифицируемой пропозиции, противопоставленную знанию»⁶⁹ (ср.: *Следователи считают, что именно он оставил взрывное устройство* и *Следователи знают, что именно он оставил взрывное устройство*). В отношении высказываний, представляющих собой мнение-предположение, имеет место быть вероятная оценка. Мнение-оценка, в свою очередь, не противопоставляется знанию, так как для говорящего она имеет статус субъективной истины (*Жюри лучшим спектаклем назвало «Роделинду» и*

⁶⁷ В Петербурге умер один из пострадавших при взрыве в метро // Интернет-сайт «РИА Новости» от 12.04.2017. URL: <https://ria.ru/incidents/20170412/1492083539.html> (дата обращения 20.04.2017).

⁶⁸ Иванова Г.Ф. О мнениях и оценках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-mneniyah-i-otsenkah> (дата обращения: 13.01.2017).

⁶⁹ Там же.

лучшим постановщиком оперы Ричарда Джонса),⁷⁰ а значит, включает в себя истинностную оценку. Таким образом, мнение-предположение и мнение-оценка различаются одним параметром – отношение к истине как соответствия высказывания действительности.

Принимая во внимание всё сказанное выше, составим основные тезисы, которые доказывают различия и сходства между понятиями «оценка» и «мнение».

1. Оценка входит в функционально-семантическое поле категории мнения, в то время как мнение не всегда является оценкой, а может также относиться к фактуальному информированию, включающему вероятную оценку, с речевым актом предположения (вероятности, возможности, гипотетичности и т.д.).

2. Исходя из классификации понятия «мнение», такой тип, как «мнение-оценка», включающий истинностную оценку, является идентичным категории «оценка».

3. Оценка и мнение представляют собой результаты умственного труда, познания субъекта по отношению к какому-либо объекту реального мира.

Таким образом, мы делаем вывод, что мнение представляет собой речевое явление, которое намного шире оценки, поскольку оно включает в себя оценочность и, при использовании модальных слов и конструкций, выходит за его рамки, к своей полярной категории – факту.

2.3. Речевая форма как предмет внимания лингвистической экспертизы

⁷⁰ Анна Гордеева. Давайте негромко, давайте вполголоса // Сайт издания «Лента.ру» от 20.04.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/20/gmgordeeva/> (дата обращения 20.04.2017).

«Слово как единица языка представляет собой единство формы (звуковой оболочки) и содержания (значения), которые неотделимы друг от друга».⁷¹ Речевая (языковая) форма и ассоциируемое с ней содержание (коннотация) являются предметом изучения лингвистической экспертизы.

Анализ речевой (языковой) формы слова зачастую встречается при речевых правонарушениях, связанных с оскорблением («унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»)⁷². Юридический термин «неприличная форма» вносит множество споров по поводу ее трактовки как в сообществе экспертов-лингвистов, так и практикующих юристов. Г.В. Кусов говорит о том, что «классификация лексики и фразеологии на приличную или неприличную носит именно морально-этический характер... Морально-этический анализ словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе».⁷³ Г.С. Иваненко отмечает, что приличность / неприличность как этико-культурная форма обусловлена исторически, социально, этнически и ситуативно. А.В. Голованова высказывает предположение, что неприличная форма – это социально-лингвистическая коннотация, так как понятие «неприличный» указывает на социальную среду его существования и определения. В теории судебной лингвистической экспертизы принято определять «неприличную форму» как крайне негативную информацию о лице в случае употребления инвективной лексики.

⁷¹ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С. 115.

⁷² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 18.04.2017).

⁷³ Кусов Г.В. Диагностика квалифицирующего признака «Неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе // Культура и текст. 2013. №1 (14). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-kvalifitsiruyuschego-priznaka-neprilichnaya-forma-v-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertize> (дата обращения: 21.04.2017).

Г.С. Иваненко считает, что «латинское понятие инвектива синонимично русскому оскорбление, и в современной науке функционируют оба термина».⁷⁴ Автор объясняет сосуществование двух дублирующих друг друга номинаций тем, что оскорбление «оказалось полифункциональным и полидискурсивным».⁷⁵ Термин «инвектива» еще не имеет однозначного толкования, одни исследователи определяют его, как «резкое выступление против кого-либо, чего-либо, обличение, оскорбительная речь»⁷⁶ (В.А. Пищальникова), вторые – как «способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической группе как резкий или табуированный»⁷⁷ (В.И. Жельвис), третьи – как «сознательное оскорбление, выраженное различными языковыми средствами, нарушающее ценности другого человека и имеющие мотив намеренно его оскорбить или унижить»⁷⁸ (Н.В. Семёнова). Одно из самых лаконичных определений предлагает Г.С. Иваненко: инвектива – это «речевое агрессивное действие по понижению статуса адресата»,⁷⁹ к тому же автор приводит разграничение факторов инвективных выражений: фактор адресации, фактор содержания, фактор формы, фактор дискурса, фактор контекстуальной обусловленности и фактор интенциональности. По мнению исследователя, «первые три параметра – программа минимум лингвистической экспертизы по делу об оскорблении»,⁸⁰ остальные названы факультативными и, для их анализа, у лингвиста чаще всего нет сопутствующей информации. Остановимся подробнее на факторе формы.

⁷⁴ Иваненко Г.С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник КемГУ. 2016. №3 (67). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/invektiva-oskorblenie-aspekty-kvalifikatsii-v-ekspertnoy-praktike> (дата обращения: 21.04.2017).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Кусов Г.В. Диагностика квалифицирующего признака «Неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе // Культура и текст. 2013. №1 (14). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-kvalifitsiruyuschego-priznaka-neprilichnaya-forma-v-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertize> (дата обращения: 21.04.2017).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Иваненко Г.С. Указ. соч.

⁸⁰ Там же.

Г.С. Иваненко в своей исследовательской статье приводит две теории, трактующие понятие «неприличная форма». В широком понимании неприличной формой является инвективная лексика и фразеология с языковыми единицами диффамационного потенциала (пример: *вор, мошенник, фашист*); в узком – к неприличной форме относят исключительно обценные слова. Как считает автор, «оба взгляда сосредоточены на анализе лексики и фразеологии, а не коммуникативного акта как комплекса факторов, хотя лингвистике давно известно, что отдельная языковая единица обладает коннотативным потенциалом различных зарядов. Например, слово *ручонки* потенциально содержит в себе и позитивную, и негативную коннотацию, а в определенном контексте в комплексе с другими средствами может выражать инвективу: «*Не трогай ты своими грязными ручонками таких понятий, как народ. Тебе ближе проститутки в туалете, окурки, плавающие в унитазе*» (в контексте публичной дискурсии)».⁸¹ Г.С. Иваненко делает вывод, что понятие «инвектива» намного уже всех диффамационных средств и намного шире нелитературных / нецензурных выражений, поэтому формально-стилистических метод анализа инвективной лексики представляется неоправданным.

С учетом современной речевой коммуникации достаточно сложно определять инвективную лексику как оскорбление по ряду причин:

1. усиление размытости границ и расширение состава инвективной лексики;
2. неустойчивость, нестабильность и динамичность оценочных коннотаций;
3. расширение речевой деятельности, изменение характера речевых ситуаций;

⁸¹ Иваненко Г.С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник КемГУ. 2016. №3 (67). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/invektiva-oskorblenie-aspekty-kvalifikatsii-v-ekspertnoy-praktike> (дата обращения: 21.04.2017).

4. детабуизация инвективной лексики, наблюдаемая в медийной сфере.

Все эти причины обусловлены не только динамикой общественных процессов, но и сущностными характеристиками самого медиатекста.

Г.В. Кусов определяет следующий состав инвективной лексики:

а) бранный тезаурус, входящий в состав литературного языка и разговорной речи, граничащей с просторечиями и жаргонизмами – грубо-просторечная лексика (*девка, сволочь, скотина*);

б) тезаурус разговорно-обиходной лексики с констатацией резконегативной оценки личности и его действий (*негодяй, подлец, гад*);

в) тезаурус общеупотребительной и книжной лексики (*бандит, вор, мошенник, палач*).

Последняя категория инвективной лексики – книжная лексика, а также эвфемизмы («слово или выражение, заменяющее другое, неудобное, как считает говорящий, для данной обстановки или грубое, непристойное; например: *кабинет задумчивости* вместо *туалет, уборная*»)⁸² – часто становятся поводом для споров между экспертами-лингвистами: относить их к неприличной форме оскорбления или нет. По сути, неприличной формы данные слова и выражения не имеют и их употребление в обществе не вызывает осуждений. По мнению В.А. Мишланова, А.В. Головановой и В.А. Салимовского, здесь происходит смешение понятий «неприличная форма» и «неприличное содержание»: «предметы и явления, обозначаемые языковыми единицами такого типа, действительно относятся к негативной с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельности, однако их употребление не является негативно оцениваемой

⁸² Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2004. С.32.

деятельностью»⁸³. Возможно поэтому, в своём исследовательском труде при попытке определить понятие «неприличная форма» ученые вообще не ссылаются на понятие «инвектива». Зато они предлагают разделить языковые формы оскорбления на несколько разрядов.

Первый разряд состоит из слов и словосочетаний, обладающих ярко выраженной негативной экспрессией (бранная лексика), «в самом значении которых заключена отрицательная оценка кого-либо как личности (например: *дурак, гадина, паскуда, сволочь, гадёныш, сброд, хамьё, балбес, оболтус*)».⁸⁴ Во второй разряд входят «слова с ярко экспрессивной окраской, обозначающие действия, качества, свойства кого-либо или чего-либо, в норме оцениваемые резко отрицательно (*хапнуть, двурушничать, прикарманивать, лямзить, тырить, крысятничать*)».⁸⁵ К третьему разряду относят зоосемантические метафоры с негативной оценкой адресата речи и грубо-экспрессивной коннотацией неодобрения, презрения, пренебрежения и т.д. (*быдло, скотина, кобель, кобыла, козел, свинья, свиное рыло*). Четвертый разряд составляют «номинации лица по профессии, роду занятий, которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п.».⁸⁶ Примеры: *коновал* – о плохом, невежественном враче, *мясник, чинуша, живодер, политическая проститутка*.

Важно добавить, что употребление нецензурной лексики влечет за собой ответственность не только за оскорбление (ст.5.61 КоАП РФ), но и на

⁸³ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С. 118.

⁸⁴ Там же. С. 117.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

основании статей ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»,⁸⁷ а также по ст.20.1 КоАП РФ о мелком хулиганстве.⁸⁸

Как мы уже сказали, четко разграничить «неприличную» лексику не представляется возможным. Такая лексикографическая проблема решается с помощью специальных справочных материалов – лингвистических словарей (толковые, аспектные, справочно-лингвистические). Многие исследователи справедливо полагают, что «на сегодняшний день эксперт не имеет другой возможности для обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего на пометы толкового словаря».⁸⁹ В словарях содержатся пометы: *неодобрительное, непристойное, пренебрежительное, презрительное, грубое, уничижительное, бранное, оскорбительное, шутовское и т.п.* – которые помогают разобраться эксперту в смыслах и значениях лексических единиц. Опыт лингвистов-экспертов показывает, что зачастую в разных словарях даются различные стилистические пометы, что значительно усложняет работу эксперта.

В некоторых случаях лингвистической экспертизы приходится прибегать к анализу, исходя из норм речевого поведения в современном обществе. Например, это касается имен собственных, которые представляют собой лексемы, имеющие нарицательное значение негативного оценочного характера. Приведем пример: в апреле этого года на видеохостинге «YouTube» вышел видеосюжет «Гитлер 1945 / Навальный 2018 – МОЖЕМ

⁸⁷ Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения 21.04.2017).

⁸⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/74754240d170cc049cd7b313852fd5985eb0aafc/ (дата обращения 21.04.2017).

⁸⁹ Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики. // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2002. С.264.

ПОВТОРИТЬ!»⁹⁰ в котором политический оппозиционер А.А. Навальный сравнивается с лидером нацистской Германии А. Гитлером. Мы не берем на себя смелость провести лингвистический анализ всего медиатекста данного ролика, обратимся только к его заголовку и приведем прецедентный случай. Лингвистами-экспертами была проведена судебно-лингвистическая экспертиза публикации с заголовком «N – хороший Гитлер»; сравнение гражданина N с Гитлером лингвисты-эксперты определили как некорректные и несоответствующие нормам речевого поведения в нашем обществе. Исследователи аргументировали это следующим образом: «как бы ни относился публицист к Гитлеру как исторической фигуре, он не может не считаться с тем фактом, что в русском языке это собственное имя стало особым знаком, символом с определенным оценочным и идеологическим содержанием. Во всяком случае это справедливо применительно к носителям русского языка старшего и среднего поколения».⁹¹ Исходя из опыта сложившейся русской ментальности, эксперты делают вывод о том, что приведенные в экспертируемом медиатексте сравнения являются оскорбительными. То же самое можно сказать и о сравнении Навального с Гитлером, причем, помимо дискредитирующего эффекта личности оппозиционера, в заголовке содержится экспрессивная лексика с интенцией предупреждения избирателям об опасности нацизма, исходящей от деятельности Навального (*МОЖНО ПОВТОРИТЬ!*).

Еще одной лексикографической проблемой при судебно-лингвистической экспертизе является выбор словаря. Многие словари являются невалидными для лингвистической экспертизы, в частности, такая тенденция наблюдается со словарями, изданными после 90-х годов. Институт лингвистических исследований Российской Академии наук (ИЛИ РАН)

⁹⁰ Павел Баранов. Видеоролик «Гитлер 1945 / Навальный 2018 – МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ!» от 18.04.2017 // видеохостинг «YouTube» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rosjVJieKnw> (дата обращения 21.04.2017).

⁹¹ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С. 88.

выявляет следующие признаки лексикографической ситуации с начала 90-х годов:

1. стихийность лексикографического процесса, с научной точки зрения не обусловленного;
2. необозримое количество лексикографических проектов;
3. наряду с авторитетными изданиями активно на словарном рынке находят место научно немотивированные, не имеющие научной ценности издания, зачастую анонимные;
4. типологическая асистемность (проблема создания новой типологии);
5. недостаточность (или отсутствие) новых нормативных фундаментальных словарей современного русского литературного языка;
6. недостаточность одних и избыточность других типов словарей, описывающих различные аспекты функционирования лексической системы;
7. беспрецедентное изобилие словарей, описывающих ненормативную и нелитературную лексику.⁹²

На современном этапе научные сотрудники ИЛИ РАН в качестве проблемы выделяют типологическую асистемность и разнообразие словарей, поэтому у пользователей возникают трудности в выборе авторитетного справочного пособия, аутентичного и научного издания.

В связи с этим научные сообщества, целью которых является создание судебных лингвистических экспертиз, выделяют среди множества словарей рекомендуемые для лингвистического анализа.

Для журналистов, пользующихся превентивной экспертизой, мы перечислим эти словари в Приложении.

⁹² Проблема выбора авторитетного лексикографического издания в лингвоэкспертной практике: материалы представлены на научно-практической конференции «Лингвистическая экспертиза: теория и практика». Институт лингвистических исследований РАН. 27-29 апреля 2016 г. Личный архив автора ВКР.

Глава 3. ИНСТРУМЕНТЫ ПРЕВЕНТИВНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МЕДИАТЕКСТА

3.1. Отбор речевых средств выражения мнения в медиатексте

Для того чтобы определить речевые конструкции предъявления мнения первого типа – мнения-оценки, – необходимо выявить способы оценочного выражения в тексте, представленные на всех языковых уровнях.

На *фонетико-фонологическом уровне* в качестве важнейшего средства выражения оценки и мнения выделяют «интонацию, которой принадлежит роль экспликации эмоциональной оценки. Интонация оценочности наслаивается на семантику слов и с ингерентной (изначально свойственной слову), и с атгерентной (контекстуальной) экспрессивностью».⁹³

Лингвоэкспертный анализ интонации часто встречается при экспертизе такого речевого акта, как призыв. Исходя из определения А.Н. Баранова, «призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации».⁹⁴ Исследователь выделяет основные грамматические формы побуждения:

- 2 лицо ед. или мн. числа повелительного наклонения (*Беги! Читайте! Рисуйте! Борис, не боись! Правительство, дай работу!*);
- императив 1 л.мн.ч. – когда призыв предполагает совместное действие (*Догоним и перегоним Америку!*);

⁹³ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.18.

⁹⁴ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М., 2007. С.420.

– вспомогательный глагол *быть* в форме 1 л.мн.ч. 2 лица ед.и мн. числа (*Будем людьми! Будьте вежливы!*);

– глагол *призывать* – эксплицитная перформативная формула призыва (*Мы призываем всех прийти на Пушкинскую площадь*);

– глаголы: *даешь!* *давай,* *давайте;* форма *Долой!* слова *пусть,* *пускай,* *вон* (*Вон из России!*), *да* (*Содружеству - да!*);

– номинализации (смысловые свертки ситуаций) (*Никакой поддержки Временному правительству!*); слово *поддержка* является номинализацией ситуации «кто-то поддерживает кого-то»;

– имена, приобретающие свойства номинализаций (*Смерть – Смерть немецким оккупантам! Смерть жидам!*);

– фразы, начинающиеся предлогом *к* (*К делу! К оружию! К барьеру! К ответу! Банду Ельцина к суду!*);

– инфинитивные предложения в сочетании с императивной интонацией (*Не отступать! Не трусить!*);

– именные восклицательные предложения (*Хлеба и зрелищ! Свободу узникам совести!*);

– отрицательная частица в сочетании с императивной интонацией (*Ни шагу назад – позади Москва! Не позволим задушить армию!*);

– использование модальных глаголов с семантикой долженствования типа *необходимо,* *следует,* *требуется,* *нужно* (*Нужно уступить места старшим!* в значении *Уступайте места старшим!*).⁹⁵

Как видим, императивная интонация в совокупности с определенными лексемами – один из важных признаков побуждения в медиатексте.

Приведем пример (для полноты понимания включим в него и другие языковые уровни): выражение *Хватит кормить Москву, хватит кормить воров* в одной из предоставленных для нашего исследования судебных лингвистических экспертиз признается как речевой акт призыва, поскольку

⁹⁵ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.433-439.

имеет основные языковые признаки: инфинитивное предложение с предикативом «хватит» в значении «достаточно, довольно», которое применяется в русском языке при выражении приказа, просьбы, в сочетании с императивной (предписывающая) интонацией (по типу: *Стоять!, Не смей!*). Эксперт исследует синтаксический параллелизм в приведенном высказывании и приходит к следующим выводам: синтаксический параллелизм устанавливает контекстуальную синонимию слов «Москва» и «воры», что позволяет отнести данный призыв к типу оценочно-мотивированных призывов, поскольку в лексическом значении слова «вор» заключено совершение негативно оцениваемых действий (*вор – тот, кто ворует, преступник, занимающийся кражами. Ожегов, с.83*). Благодаря синонимии слов «Москва» и «воры» выводится импликатура (подразумеваемое умозаключение): *«Москва состоит из воров»*. Помимо этого, эксперт выявляет и скрытый смысл в призыве – пресуппозитивную (затекстовую) форму информации. Она заключается в том, что выражение «Хватит кормить Москву» используется многими общественно-политическими акциями в виде лозунга, и под номинацией «Москва» здесь понимается вся совокупность людей, находящихся во властных структурах страны. Отсюда эксперт делает вывод, что исследуемое выражение имеет тип призыва-лозунга и обращено к деперсонифицированной аудитории, которая способна воспринять общий смысл высказывания: *«Перестаньте содержать/работать на людей, которые вас обворовывают»*.

Перейдем к следующему языковому уровню – *морфемно-морфологическому*. Здесь роль выражения мнения-оценки принадлежит аффиксам. Наиболее продуктивными в этой сфере выступают суффиксы эмоциональной оценки, которые можно определить, по словам Ш. Балли, как суффиксы, «выражающие восприятие ценности или суждения о ценности, вызываемые понятием, содержащимся в основе».⁹⁶ По мнению

⁹⁶ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.18.

А.А. Карамовой, «подобные суффиксы могут смягчать рациональную оценку, присутствующую в семантике слова (*плохой / плохонький, дурак / дурачок*) или усиливать ее (*красивый / красивейший, милый / миленький*). В качестве средства выражения оценки могут выступать и префиксы: *предобрый, сверхбыстрый*».⁹⁷

Использование аффиксов позволяет автору передать как положительную, так и отрицательную оценку предмета. В первую очередь, нас интересуют опасности возникновения негативной информации с помощью лексических единиц с аффиксами. Например: *Но Григорьяни, издавший листок «Гласность», не ожидал такого отпора сотрудников издательства, включая женщин, писателей и депутатов Верховного Совета, которые помогли нам пресечь захват. А потом уж «правозащитничка» мы сами вытряхнули из здания на Поварской.* Во фрагменте медиатекста, направленного для судебной лингвистической экспертизы, лексема *правозащитничек* определяется как негативная оценка личности, поскольку слово образовано при помощи суффикса субъективной оценки *-ек*, придающего слову *правозащитник* уничижительное значение с элементами иронии. Кроме того, уничижительная оценка усиливается кавычками, которые создают обратный смысл слова *правозащитник*.

На лексико-семантическом уровне мнение обладает огромным арсеналом оценочной лексики, к тому же этот уровень считается основным средством формирования оценочного суждения. Исследователь А.А. Карамова считает, что «среди оценочной лексики важное место занимают слова, выступающие в роли вторичных наименований, – тропы и художественные фигуры речи (в частности, метафоры, фразеологические обороты и т.д.). Им принадлежит роль выражения эмоциональной оценки, ср.: *хитрец – лиса, трус – заяц, задира – петух*».⁹⁸

⁹⁷ Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003. С.19.

⁹⁸ Там же.

В судебной лингвистике, где особенно необходимы критерии выявления оценочных суждений, указывается, что оценка выражается непосредственно оценочными высказываниями с использованием:

1. абстрактных оценочных предикатов (такие слова содержат лишь оценочные семы *хороший / плохой*, причем реализованы они могут в вариантах с нейтральной или усиленной степенью оценочности: *хороший, плохой, великолепный, замечательный, отвратительный, чудовищный и т.д.*);

2. предикатов, обозначающих определенные качества, свойства, которые в данном социуме в данное время оцениваются положительно или отрицательно (*добрый, злой, жестокий, великодушный, убить, предать, спасти, вылечить и т.п.*);

3. эмоционально-экспрессивных слов и выражений, содержащих положительную или отрицательную оценку либо в лексическом значении (*умница, гений, шедевр, болван, идиот, растяпа, халтура*, в том числе ненормативная лексика), либо в суффиксах субъективной оценки (*писака, газетенка и т.п.*).⁹⁹

Приведем примеры использования метафоры для обозначения негативной оценки. *Хищники-григорьянцы продолжают терзать Россию, посягая на родные святыни...* – эмоционально-экспрессивное словосочетание *хищники-григорьянцы* представляет собой негативную оценку личности, образованную с помощью метафоры *хищник* (как объясняет эксперт: значение слова *хищник* образовано путем метафорического переноса с прямого значения «животное, поедающее других животных»). Слово *григорьянцы* представляет собой переход из разряда имени собственного (личность С.И. Григорьянца – потерпевшего) в имя нарицательное, что акцентирует уничижительную оценку деятельности личности по фамилии

⁹⁹ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С.64.

Григорьянц. В тексте экспертизы приведенное словосочетание признается как оскорбительное.

Приведем также пример, когда метафора применяется не к вербальным элементам речи, а к визуальным. Лингвисту на экспертизу был направлен скриншот изображения, размещенного в социальной сети «ВКонтакте». Изображение состояло из вербальных и визуальных элементов: фотография девушки со спины; черная траурная лента; изображение черепа; надписи: *Отделение Северного Кавказа – залог свободы и прогресса, Свобода или смерть!, Россия кавказская пленница*. Фотография девушки в медиатексте представляет собой художественную метафору: Россия в образе отвернувшейся от зрителя девушки, «украшенной» со спины траурной лентой. Эксперт, анализируя каждый компонент высказывания, выстраивает комплекс коммуникативных действий, который складывается в общем смысловом поле исследуемого плаката:

(1) констатация негативно оцениваемого положения дел: *Россия захвачена представителями Северного Кавказа;*

(2) описание выхода из создавшегося положения: *единственным способом для России получить свободу является отделение Северного Кавказа;*

(3) прогноз и метафорическое описание ситуации, в которой России грозит гибель, при невыполнении (2): *в противном случае девушке-России грозит смерть от представителей Северного Кавказа.*

На основании этого эксперт делает вывод, что в медиатексте содержатся признаки обоснования необходимости враждебного отношения к представителям Северного Кавказа.

Выражать мнение-оценку могут даже целые высказывания (пр.: *Как тебе не стыдно!* – осуждение) и другие восклицательные или вопросительные предложения. Как, например, восклицательное предложение из приведенной ранее судебной экспертизы: *Свобода или смерть!* Остановимся подробнее на процедуре его анализа экспертом-лингвистом.

При экспертизе важно всегда учитывать прецедентный текст. На основе фразы *Свобода или смерть!* в исследуемом медиатексте эксперт упоминает альтернативный политический лозунг известный в истории России, принадлежащий террористической группе Льва Тихомирова (1879 г.) и трактующийся как «будем свободны или умрём». Сравнивая два этих факта, эксперт-лингвист приходит к выводу, что риторическое восклицание использовано с целью усиления экспрессивности. Далее сравниваются две альтернативные лексемы, имеющие антонимическую природу: свобода (включающая жизнь как условие) и смерть (в которой не может быть свободы как таковой). И затем эти компоненты рассматриваются в контексте медиатекста для выявления смысла фразы: «свобода» в данном случае означает жизнь в России без Северного Кавказа в ее составе, а «смерть» означает конец России, если Северный Кавказ останется в ее составе, поскольку Россия будет полностью поглощена представителями Северного Кавказа.

Мнение-оценка может быть выражено не только в одном вербальном или визуальном компоненте медиатекста, но и в их совокупности. Например, в заголовочном комплексе автор текста создает контраст между изображением – фотографией, где изображено лицо улыбающейся N на фоне интерьера дорогого гостиничного номера, в котором она отмечает свой день рождения, – и заголовком: «N – ПЕЧАТЬ ЗВЕРЯ...». Эксперт делает вывод, что фотография N вступает в противоречие с характеристикой «печать зверя», в результате чего выстраивается вербально-визуальное взаимодействие (текст заголовка + фотография), которое актуализирует известные стереотипные установки: «чиновники купаются в роскоши», «верить их приятным улыбкам нельзя».

Второй тип в классификации мнений – мнение-предположение – представляет собой речевую конструкцию вида: эксплицитное указание на носителя мнения + лексические маркеры мнения (модуса предположения) + вероятная оценка по поводу объекта. Как мы уже упоминали ранее, мнение-

предположение в медиатексте снимает ответственность автора за высказывание. Пример из экспертизы: *По-видимому, многое держалось на взятках, не случайно ведь тот же «Шериф» задолжал горнякам 15 миллиардов старыми, а уголек он и ему подобные получали в первую очередь.* Эксперт, отсылая к словарю (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 528), делает вывод, что высказывание содержит в виде предположения информацию о том, что указанные хищения связаны со взятками (предположительность на языковом уровне выражена вводным словом по-видимому в значении «вероятно, должно быть»).

Несмотря на то что мнение-предположение способно снять ответственность человека за сообщение о фактах, которое он заключает в модальную рамку предположения (то есть нельзя привлечь журналиста за распространение клеветнических сведений), тем не менее негативная оценка, заключенная в смысле предположения, может восприниматься как распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина. Например, в одной из судебных лингвистических экспертиз анализируется предложение: *Возможно, она [гражданка N] является серийным преступником, ведущим активную преступную деятельность.* Эксперт утверждает: приведенный текстовый фрагмент содержит сигнал субъективной модальности, выражающий предположение автор, в то же время содержание предположения имеет ярко выраженный характер негативной оценки деятельности личности N.

На основании приведенных примеров из судебных лингвистических экспертиз мы делаем следующие выводы:

1. мнение-оценка может проявляться на различных языковых уровнях – начиная от фонетического уровня и заканчивая синтаксическим, а также в визуальной (графической) части медиатекста или в вербально-визуальном взаимодействии;
2. модальная рамка мнения-предположения способна защитить автора от привлечения к ответственности только за распространение

клеветнических данных, от ответственности за распространения негативной информации о ком-либо (или его деятельности) это не спасает;

3. отбор речевых конструкций предъявления мнения-оценки и мнения-предположения должен производиться автором самым тщательным образом.

3.2. Формирование автореферентного высказывания

Автореферентное высказывание – это высказывание, в котором «субъектом сообщаемого факта является сам говорящий».¹⁰⁰ Е.Ч. Дахалаева, анализируя автореферентность в интернет-дискурсе, обозначает понятие «автореференция» как «соотнесенность отдельного высказывания или целого дискурса с центральным референтом, которым является сам говорящий / пишущий, в результате чего в процесс референции вплетается механизм самоидентификации, когда субъектом самоидентифицирующих суждений становится человек, порождающий дискурс, который позиционирует себя как уникального индивида, как носителя определенной социальной роли или представителя определенной социальной группы».¹⁰¹ Другими словами, автореферентное высказывание – «способ языкового самоотображения».¹⁰²

Когнитивный и коммуникативный потенциал автореференции заключается в следующем: а) автор конструирует своё Я, которое зачастую

¹⁰⁰ Редькина Т.Ю. Современный русский язык. Часть 1. Учеб. пособие для студентов факультета журналистики специальностей «журналистика» и «связи с общественностью». СПб., 2006. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394719650_9233.pdf (дата обращения 26.04.2017).

¹⁰¹ Дахалаева Е.Ч. Автореферентные жанры интернет-дискурса // Вестник ИГЛУ. 2013. №4 (25). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtoreferentnye-zhanry-internet-diskursa> (дата обращения: 26.04.2017).

¹⁰² Бразговская Е.Е., Смердова Е.А. Когнитивный потенциал автореференции: самоописания в прозе Станислава Лема // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. №2 (22). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-potentsial-avtoreferentsii-samoopisaniya-v-proze-stanislava-lema> (дата обращения: 26.04.2017).

лучше, чем он сам на самом деле, что способствует самосовершенствованию и обратной связи (диалогу) с самим собой; б) «в автореферентных актах создается фундамент ... самоидентичности и самонепрерывности»;¹⁰³ в) если автор видит самого себя в качестве «другого», то это позволяет ему проецировать себя на других и понимать чужую точку зрения.¹⁰⁴

Приведем пример автореферентного высказывания из судебно-лингвистической экспертизы. Лингвисту для судебной экспертизы была направлена аналитическая статья под названием «Уничтожение Дрездена – преступление против человечества».¹⁰⁵ Во-первых, автореферентность в тексте проявляется в выборе жанра публицистической статьи – автор избрал жанр полемической статьи, который подразумевает оценку чужого мнения, которое сначала конструирует автор (на основе известных ему высказываний) и затем опровергает это суждение: *Бомбардировка Югославии — не первое преступление США и Англии против человечества*. Автор возражает против мнения (пресуппозиция: «*принято считать, что бомбардировка Югославии – первое преступление США и Англии против человечества*») с помощью отрицательной формы сказуемого (*не первое*).

Во-вторых, подразумеваемое авторское Я в полемической статье передается с помощью диалогизации текста. Этому способствуют различные речевые приёмы. Например, вопросительные конструкции автора, размышляющего над поставленными им самим вопросы (*Откуда у американцев такое равнодушие к бессмысленным убийствам, совершаемым их армией и их политиками в других странах?; Но, как это сопоставить с*

¹⁰³ Бразговская Е.Е., Смердова Е.А. Когнитивный потенциал автореферентности: самоописания в прозе Станислава Лема // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. №2 (22). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-potentsial-avtoreferentsii-samoopisaniya-v-proze-stanislava-lema> (дата обращения: 26.04.2017).

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Исаев Максим. Уничтожение Дрездена – преступление против человечества / Интернет-портал «Непредуманные рассказы о войне» от 07.05.2014. URL: <http://www.world-war.ru/unichtozhenie-drezdena-prestuplenie-protiv-chelovechestva/> (дата обращения: 26.04.2017).

сознательным уничтожением 135 000 мирных жителей, даже не военнопленных?; Но сознательная бомбардировка жилых кварталов разве чем-то отличается от торпедирования пассажирского корабля?). Эксперт также выделяет своеобразное разыгрывание разных речевых партий предполагаемых участников событий (*Русские по ошибке застрелили чеченца? Да сбросить на Кремль бомбу — чтоб были человечнее. Американцы по ошибке разбомбили автобус с албанцами? Чего не бывает, всё нормально; Мол, лётчик не видит, куда бомбу бросает, не видит, кого убивает. Он не убийца. А вот тот, кто в затылок стреляет — только он и убийца*) и вербализацию компонентов той дискуссии, которая, по мнению автора, могла бы состояться (*Если так рассуждать, то и тот, кто сбрасывает атомную бомбу на город, не является убийцей — он ведь не видит, кто там погибнет. Таким макарком не является убийцей и гад, насыпавший яда в водопроводный коллектор, и тот террорист, что подкладывает в самолёт бомбу, и тот, кто взрывал дома в Москве*).

Здесь важно отличать диалогизацию текста, где автор сам коммуницирует с собой, от диалогической интенции (намерение выстроить коммуникацию с адресатом). Пример диалогизации: *Откуда у американцев такое равнодушие...? Не знаю. ... Единственное, что могу предположить...— автор ведет внутренний монолог. Диалогическая интенция может реализоваться двумя способами. Например: Если ты встретился с ними — убей или будь готов умереть!* (диалог с реальным адресатом — читателем текста) или *Вы, инородная падаль, здесь никому не нужна! Вы, паразиты, которые могут только разрушать и жить за счет русских - никакой пощады не будет!* (диалог с риторическим адресатом — не входит в круг потенциальных читателей).

В-третьих, полемическая статья насыщена конструкциями с личным местоимением и глаголами в личной форме: *Я не знаю его [Сталина] реакцию..., хотя могу предположить...; Думаю, нет никакой разницы между...; Я считаю, именно Нюрнберг стал отправной точкой....*

В-четвертых, наличие экспликации авторского мнения (*могу предположить, я думаю*). Тем самым эксперт отмечает главную задачу автора полемической статьи – опровергнуть имеющееся мнение по поводу исторических фактов и выразить, обосновать своё мнение и открыто привлечь на свою сторону как можно больше единомышленников.

Все приведенные выше характеристики проявления авторского Я доказывают наличие автореферентности в тексте:

1. сравнение собственных суждений с чужим мнением;
2. диалог автора с самим собой;
3. процесс самоидентификации автора, который проявляется в акте рефлексии над поставленными вопросами.

На основании экспертизы автореферентных высказываний лингвист-эксперт утверждает, что медиатекст не содержит ни обоснований или оправданий необходимости агрессивных, насильственных, жестоких действий; ни признаков пропаганды; ни признаков унижения (оскорбления) какой-либо группы по признакам религиозной, расовой или национальной принадлежности.

На основании приведенной судебно-лингвистической экспертизы мы приходим к выводу, что автореферентное высказывание избавляет коммуникативную тональность медиатекста от признаков пропаганды, оскорбления или обоснования насильственных действий, что позволяет защитить автора от обвинения в речевом правонарушении.

3.3. Коннотативный анализ лексики медиатекста

Коннотативный анализ – это основной инструмент лингвистической экспертизы медиатекста. Он встречался почти во всех проанализированных нами судебно-лингвистических экспертизах, поэтому заслуживает особого внимания в аспекте превентивной экспертизы.

Коннотативный анализ подразумевает выявление эмоциональных, экспрессивных, стилистических, ассоциативных добавок основного значения слова (денотата), «которые воплощают принятую в данном коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности»,¹⁰⁶ и сопоставление этих добавочных компонентов с контекстом, что приводит к выбору точной, примененной автором, коннотации. Это даёт возможность определить или обнаружить дополнительные смыслы в медиатексте. Важно отметить, что лексическое «значение отдельного слова или выражения включает в себя, как правило, несколько коннотативных компонентов».¹⁰⁷

Мы уже говорили о том, что социально-лингвистические коннотации, как правило, обозначаются в словарных пометах. Причем, в разных словарях могут встречаться разные коннотации одного и того же слова. Приведем примеры коннотативного анализа из лингвистических экспертиз с применением словарей.

(1) Фрагмент исследуемого медиатекста (во вступительной врезке): *Во время застолья Игорь признался, что ему очень нравится Азиза... Поэтому, узнав о трагедии в Ленинграде, я поклялся, что никогда не буду общаться с этой блядью.* Коннотативный анализ эксперта показал следующее: согласно словарям русского языка, блядь — «Публичная женщина, проститутка; вообще распутная женщина» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., М., 1903. Т. 1, стлб. 245); «Грубо. Вульгарное. Развратная, распутная женщина; проститутка» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, с. 85). Далее эксперт анализирует медиатекст в целом и приходит к выводу о том, что функция слова «блядь» в начале текста – заинтриговать читателя,

¹⁰⁶ Редькина Т.Ю. Современный русский язык. Часть 1. Учеб. пособие для студентов факультета журналистики специальностей «журналистика» и «связи с общественностью». СПб., 2006. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394719650_9233.pdf (дата обращения 26.04.2017).

¹⁰⁷ Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011. С. 117.

настроить на скандальную новость (наряду с заголовком *Презирая смерть или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь*), поскольку во всем тексте его автор выстраивает аргументацию опровержения приведенной в начале информации, а к концу приходит к обратному утверждению: *Азиза — загадка, сложный человек, понять которого непросто, все существующие оценки Азизы связаны с ее сложным характером, закрытостью для окружающих и сложным внутренним миром певицы*. При этом эксперт делает пометку: «вопрос об обсуждении блядства не входит в компетенцию лингвистов».

На основании первого примера мы видим, что важно учитывать весь контекст исследуемого медиатекста, а не отдельную его часть и не отдельное слово. В противном случае, опираясь на коннотацию слова, автора медиатекста могли бы привлечь к ответственности за оскорбление личности.

(2) Фрагмент исследуемого текста: *Но деньги на социальные гарантии вотчине Коноплиной депутаты дали*. Эксперт анализирует применение автором слова *вотчина*, уточняя лексическое значение слова в разных словарях: *вотчина* – а) истор. термин, обозначающий существовавшее с XII в. по XVIII в. родовое наследственное земельное владение феодала (Толковый словарь русского языка: В 4 т./ под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935, с. 382); б) обычно шутол. территория, место, где кто-либо является полновластным хозяином (Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 2, М., 1991, с. 512). В итоге эксперт приходит к выводу, что словосочетание *вотчина Коноплиной* имеет ироничную коннотацию и применяется в значении «место, сфера ее деятельности», то есть сфера образования, представляемая ею в городской Думе.

(3) Фрагмент исследуемого текста: *Механизм хищений прост и типичен для нашей страны (просто рабочим других отраслей не по плечу «рельсовая война»): десятки фирм с сакраментальными названиями «Шериф», «Черный квадрат» и многие другие прокачивали черное золото через себя по несуразным ценам, а неучтенная наличка прилипала к чьим-то рукам*.

Лексическое значение прилагательного *сакраментальный* таково: «1. Связанный с религиозным обрядом, ритуальный. Сакраментальные слова (также перен.: звучащие как заклинание). 2. перен. Закрепившийся в традиции, ставший обычным» (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка М., 1997, с. 692); см. также словари иностранных слов). Эксперт-лингвист указывает, что даже приведенные в словарях лексические значения слова не совпадают с тем смыслом, который вкладывал автор, и делает предположение, что выбор этого слова диктуется здесь типичным для современной публицистики приемом, когда заимствованное (иностранное) слово, звучащее красиво (по мнению автора медиатекста), употребляется не в своем сформировавшемся, нормативном значении, а в значении «наоборот», иронически, как и слово *шериф* (традиционно это должностное лицо – страж порядка) сопрягается в тексте с «механизмом хищений».

(4) Анализируя фрагмент того же текста *десятки фирм... прокачивали черное золото через себя по несуразным ценам*, эксперты отмечают, что такое значение глагола *прокачивать* еще не отмечено в словарях современного русского языка, однако очевидно, что в данном контексте *прокачивать* – синоним глагола *прокручивать* – *прокрутить*. Эксперт приводит значение глагола *прокрутить*: «*Прокрутить...* Разг. Незаконно использовать чьи-л. деньги в качестве высокопроцентных ссуд, инвестиций и т.п. для получения прибыли, задерживая их выплату клиентам». Анализ лексического значения был необходим эксперту для выявления общего смысла предложения.

(5) Фрагмент исследуемого текста: *Их тоже можно дернуть* (из телефонного разговора двух подозреваемых в хищении). Задачей эксперта было определение значения глагола *дернуть*: 1) рывком провести (например, дернуть по струнам); 2) резким движением тронуться с места; 3) просторечное. ‘поехать, отправиться куда-либо’; 4) просторечное. ‘выпить’ (о спиртном); 5) просторечное. ‘начать энергично делать что-либо’ (оркестр

зачно дернул английский национальный гимн (Словарь русского языка в 4 томах). Были приведены значения и из других словарей: *тянуть, тащить резкими, отрывистыми движениями* (Словарь С.И. Ожегова / под ред. Н.Ю. Шведовой); *уходить, уезжать, убежать* (Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М., 2005). Ни одно из приведенных выше значений не совпадает с коннотацией глагола «дернуть» в анализируемом высказывании. Тогда эксперты делают вывод о том, что значение глагола с большей вероятностью таково: *достать, раздобыть незаконным путем, похитить; причем значение это вряд ли является окказиональным*. Эксперты отмечают: в современном русском языке глагол *дернуть* является, по сути дела, просторечным «провербом», т.е. абстрактным обозначением некоторого энергичного действия.

Исходя из примеров (2), (3), (4) и (5) мы приходим к выводу, что эксперт-лингвист вправе сформулировать новую коннотацию слова или словосочетания, основываясь на внутриязыковых и внешнеязыковых компонентах фразы. Под внутриязыковыми компонентами подразумеваются «те, которые связаны с восприятием слова в связи с развитием языковой системы, они делятся на диахронические и мотивационные (синхронические). Диахронические компоненты позволяют проследить изменения, которые произошли со словом в течение времени (в словарях они выражаются через пометы *архаическое, неологическое, устаревшее* и т. д.)». ¹⁰⁸ Мотивационные компоненты дополняют «объективное значение языковой единицы ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе внутренней формы наименования, то есть на основе признаков, которые мотивировали переосмысление данного явления». ¹⁰⁹ Внутриязыковые компоненты напрямую связаны с функционированием слова в обществе, то есть взаимодействуют с внешнеязыковыми

¹⁰⁸ Сторожева Е.М. Коннотация и ее структура // Вестник ЧелГУ. 2007. №13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konnotatsiya-i-ee-struktura> (дата обращения: 27.04.2017).

¹⁰⁹ Там же.

компонентами. Внешнеязыковые компоненты коннотации связываются с экстралингвистическими факторами, ситуацией общения, восприятием и оценкой предмета говорящим. Внешнеязыковые компоненты характеризуют условия речевого общения, адресанта речи, отношения между участниками речевой деятельности и т.п. Именно внешнеязыковые компоненты коннотации слов или выражений подталкивают лингвистов-экспертов на переосмысление лексического значения и, вследствие этого, формулирование новой коннотации.

При коннотативном анализе эксперт-лингвист может опираться не только на словари, но и на любые другие источники, помогающие ему определить лексическое значение слова или выражения. Ранее мы уже приводили пример, в котором эксперт при анализе оценки автора, использовавшего имя собственное для сравнения (*N – хороший Гитлер*), опирался на национально-культурный фактор (имя собственное *Гитлер* имеет негативный оценочный характер в русской культуре для старшего и среднего поколений).

Зачастую источником определения лексического значения слова или фразы является Интернет, поскольку в нём актуализированы динамические процессы в языке. Приведем пример: эксперту необходимо определить значение фразы «*ZOMG TEH DRAMA*», которая использовалась в качестве комментария к видео. Эксперт-лингвист уточняет буквенно-языковую игру фразы, распространенной в сетевом сообществе, что означает: «*происходит нечто драматическое*» (*Oh, my God! The drama!*). В экспертизе ссылка на источник расшифровки не указывается, исходя из этого, мы делаем вывод, что значение фразы эксперт либо знает по собственному опыту, либо уточняет в интернет-коммуникации. Далее в экспертизе делается вывод, что прагматическая цель такого комментария может быть интерпретирована как ирония, по типу высказывания «Подумаешь! Ничего особенного. Такое случается сплошь и рядом».

Приведем еще один пример использования материалов в сети Интернет в качестве источника коннотации лексемы. В анализируемом судебным экспертом-лингвистом медиатексте используется слово *борцуха* в качестве номинации «кавказец, дагестанец, мусульманин»: *Борцуха, поняв, что не на того нарвался, стал звонить по мобильному телефону...* Эксперт определяет его как существительное, имеющее общий корень со словом «борьба», и делает запрос о значении слова в поисковике «Ответы mail.ru», который выдает следующий комментарий: «*Это новый мем? Что-то связанное с дагами и сексом с овцами?*» (<https://otvet.mail.ru/question/80794255>). Затем эксперт поясняет, что слово «даг», использованное в комментарии, – сокращенное жаргонное наименование дагестанцев – жителей или уроженцев Дагестана. Общий смысл комментария – оскорбительно скабрёзный, так как в комментарии есть намек на противоестественное сексуальное поведение «дагов». Эксперт уточнил значение слова и на другом сайте (<http://demotivation.me/0nnjhjs87z6qpic.html>) и обнаружил демотиватор (картинка, изображающая двух обезьян и имеющая заголовок «Борцухи»), под ним размещены следующие комментарии от анонимных пользователей: «Откуда это слово "борцуха", произошло?»; ниже – «от чурок которые плохо знают рюзкеязык»; еще ниже – «борец вольного стиля» (орфография и пунктуация авторов сохранены). Следовательно, слово *борцуха* имеет лексическое значение: очень сильный человек, занимающийся таким видом спорта, как «вольная борьба». Таким образом, анализируя все представленные в медиатексте номинации одного участника события, эксперт выявляет все характеристики этого участника, сложившиеся о нём в представлении автора медиатекста.

Проанализировав примеры использования коннотативного анализа в судебной лингвистической экспертизе, мы делаем следующие выводы:

1. коннотативный анализ слова или фразы выявляет динамические процессы развития современного русского языка;

2. коннотативный анализ слова или выражения осуществляется с помощью авторитетных словарей, валидных для превентивной экспертизы медиатекста, а также с помощью других источников, в которых лексическое значение не противопоставляется внутриязыковым или внешнеязыковым компонентам коннотации;

3. коннотативный анализ помогает раскрыть коммуникативную цель автора, эксплицитный и имплицитный смысл медиатекста, авторские интенции и, как следствие, систему авторских ценностей и мировоззренческих факторов.

Заключение

Превентивная экспертиза медиатекста находится на пересечении трёх отраслей научного знания – правоведения, лингвистики и журналистики. Это значит, что журналист должен знать нормативно-правовые основы функционирования своей профессиональной деятельности (правовые нормы), лингвистические особенности речи (языковые нормы) и основы социальной коммуникации и коммуникативной культуры своей профессии (речевые нормы), чтобы успешно пользоваться превентивной экспертизой медиатекста. Она необходима журналисту, во-первых, потому что это позволяет ему как автору избежать речевого правонарушения, а во-вторых, это помогает выстроить защиту своего медиатекста как в судебном, так и в досудебном разбирательстве.

Превентивная авторская экспертиза медиатекста основывается на инструментах судебно-лингвистической экспертизы, которых существует огромное множество: раскрытие пресуппозиции, выявление прецедентного текста, выявление тактики манипулятивного воздействия, обнаружение имплицитных смыслов, установление речевого жанра, отбор речевых конструкций, выявление речевого воздействия с помощью аргументации и т.п. В своей исследовательской работе мы рассмотрели только три инструмента, используемых лингвистами-экспертами, – отбор речевых конструкций предъявления мнения, формирование автореферентного высказывания и коннотативный анализ лексики.

В ходе исследования мы изучили разграничение факта, оценки и мнения. Факт – это результат восприятия человеком действительности, это особая единица реальности, которую можно проверить на истинность или ложность. Оценка – это суждение о ценности, значимости какого-либо предмета действительности для субъекта. Мнение – это всегда результат умственной деятельности, который опирается на факты действительности и формирует у автора (или у его окружающих) картину мира. Мы выяснили,

что существуют два типа мнений: мнение-оценка, которое представляет собой суждение о факте действительности, и мнение-предположение, содержащее вероятную оценку событий, что представляет собой речевой акт возможности, вероятности, гипотетичности и т.д.

Мнение-оценка проявляется в медиатексте на всех языковых уровнях, к тому же может находиться не только в вербальной речи, но и в визуальной, а также в совокупности вербальных и визуальных (или аудиальных) компонентов текста. Это является показателем расширения коммуникативных функций самого медиатекста. Зачастую мнение-оценка формирует пейоративную информацию о каком-либо лице или организации, поэтому при превентивной экспертизе необходимо уделять особое внимание речевым конструкциям предъявления мнения. Это касается и мнения-предположения. Речевые конструкции подобного рода снимают ответственность с говорящего за истинность предъявляемого факта, но они не способствуют сглаживанию негативной тональности в тексте.

Автореферентное высказывание в информационных медиатекстах также выражает оценку автора по поводу определенных фактов действительности, но оно способно сгладить пейоративную тональность медиатекста, избавить его от признаков оскорбления, призыва к экстремистским действиям или пропаганды таких действий. А главное, автореферентное высказывание способно ярко и экспрессивно привлечь внимание аудитории к определенной социально-значимой проблеме, заставляет читателя рассуждать вместе с автором (с помощью диалогизации в тексте) и способствует принятию авторской точки зрения.

Применение коннотативного анализа лексики в процессе превентивной экспертизы медиатекста выявляет коммуникативные цели и интенции автора, эксплицитные и имплицитные смыслы. Помимо этого, коннотативный анализ помогает проверить медиатекст на соблюдение языковой нормы с учетом динамики развития русского языка.

Современные лексикографические проблемы русского языка (проблемы качества, количества и дублетности справочных пособий) достаточно усложняют применение коннотативного анализа лексики. Однако на основании приведенных примеров из судебно-лингвистических экспертиз, мы видим, что эти проблемы решаемы. В связи с этим коннотативный анализ слов или выражений должен осуществляться при обращении к авторитетным словарям, валидным для экспертизы, или к другим источникам, учитывающим внутриязыковые или внешнеязыковые компоненты коннотации. К тому же, автор может обращаться не только к печатным словарям, но и к их электронным аналогам в Интернете, список которых мы также привели в приложении к ВКР.

Подводя итоги, отметим, что личное мнение или оценка журналиста, безусловно, разрешены законодательством РФ («свобода мысли и слова»), как и международными декларациями, конвенциями, договорами. Собственная авторская позиция, как внутренний ценностный стержень, просто необходима журналисту в профессиональной деятельности. Поэтому независимо от обстоятельств, с которыми сталкивается журналист в профессиональной сфере, необходимо достойно, качественно и обдуманно подходить к своему делу и тем самым – к самому себе.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека М., 1999.
2. Базанова А.Е. Литературное редактирование: Учеб. пособие. Ч.1. М., 2006. URL: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=111&p=17777> (Дата обращения 13.01.2017)
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М., 2007.
4. Бразговская Е.Е., Смердова Е.А. Когнитивный потенциал автореференции: самоописания в прозе Станислава Лема // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. №2 (22). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-potentsial-avtoreferentsii-samoopisaniya-v-proze-stanislava-lemma> (дата обращения: 26.04.2017).
5. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2013.
6. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении несоответствующих действительности порочащих сведений (проблема разграничения категорий «Сведение / мнение», «Оценка / факт») // МНКО. 2010. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza-po-delam-o-rasprostranении-nesootvetstvuyuschih-deystvitelnosti-porochaschih-svedeniy> (дата обращения: 13.01.2017).
7. Васильева В.В., Дускаева Л.Р. Коммуникативный сценарий призыва в массмедийном поликодовом тексте: проявления экстремистского высказывания // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Казанский Н.Н. - Т. XII. Ч. 3. - СПб.: Наука, 2016.
8. Волхонская Ю. Интервью с судьей Селютиной И.Ф. // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2002.

9. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М, 2009.
10. Гибатова Г.Ф. Об истинности мнений // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. №22 (239). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-istinnosti-mneniy> (дата обращения: 13.01.2017).
11. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2002.
12. Дахалаева Е.Ч. Автореферентные жанры интернет-дискурса // Вестник ИГЛУ. 2013. №4 (25). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtoreferentnye-zhanry-internet-diskursa> (дата обращения: 26.04.2017).
13. Засурский Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. №2. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11750045> (дата обращения 11.04.2017).
14. Иваненко Г.С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник КемГУ. 2016. №3 (67). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/invektiva-oskorblenie-aspekty-kvalifikatsii-v-ekspertnoy-praktike> (дата обращения: 21.04.2017).
15. Иванова Г.Ф. Мнение в культуре и языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №84. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mnenie-v-kulture-i-yazyke> (дата обращения: 13.01.2017).
16. Иванова Г.Ф. О мнениях и оценках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-mneniyah-i-otsenkah> (дата обращения: 13.01.2017).
17. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
18. Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учеб. пособие. Уфа, 2003.

19. Корконосенко С.Г. Метод определения понятий в понимании журналистики // Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях: матер. научно-методич. семинара «Методы и методики понимания в журналистике и массовых коммуникациях» / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2015. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1443168382_8936.pdf (дата обращения 08.04.2017).

20. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие. Омск, 2011. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20071898> (дата обращения 11.04.2017).

21. Кусов Г.В. Диагностика квалифицирующего признака «Неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе // Культура и текст. 2013. №1 (14). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-kvalifitsiruyuschego-priznaka-neprilichnaya-forma-v-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertize> (дата обращения: 21.04.2017).

22. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза: понятие, принципы, процессуальное значение: монография. Краснодар, 2012.

23. Лингвистическая экспертиза текста: проблемы, методы, результаты. 152-я статья ГК РФ под лингвистическим микроскопом: учеб. пособие / М.Б. Ташлыкова, О.Л. Михалёва, Е.В. Стародворская. Иркутск, 2013.

24. Лисицкая Л.Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-normy-i-lingvisticheskaya-bezopasnost-sovremennyh-mediatekstov> (дата обращения: 11.04.2017)

25. Мишланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011.

26. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9279> (дата обращения 13.01.2017).

27. Отчёты о результатах деятельности Роскомнадзора // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <http://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/p449/> (дата обращения 02.05.2017).

28. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. М., 2004.

29. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004. URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/3.pdf> (дата обращения 18.04.2017).

30. Проблема выбора авторитетного лексикографического издания в лингвоэкспертной практике: матер. науч.-практ. конф. «Лингвистическая экспертиза: теория и практика» / Институт лингвистических исследований РАН. 27-29 апреля 2016 г. // Личный архив автора ВКР.

31. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник ННГУ. 2013. №1-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-perspektivy-primeneniya-teorii-rechevyh-aktov-v-lingvisticheskoy-ekspertize> (дата обращения: 13.01.2017).

32. Редькина Т.Ю. Современный русский язык. Часть 1. Учеб. пособие для студентов факультета журналистики специальностей «журналистика» и «связи с общественностью». СПб., 2006. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394719650_9233.pdf (дата обращения 26.04.2017).

33. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. №2. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11750046> (дата обращения: 11.04.2017).
34. Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / под ред. Л.Р. Дускаевой. М., 2016. С.162.
35. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006.
36. Сторожева Е.М. Коннотация и ее структура // Вестник ЧелГУ. 2007. №13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konnotatsiya-i-ee-struktura> (дата обращения: 27.04.2017).
37. Филологическая экспертиза: учеб. пособие / сост. Н.Е. Васильева. Пермь, 2011.
38. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под. ред. М.В. Горбаневского. М., 2002.
39. Чернышева Т.В. Рекламный текст как объект лингвистической экспертизы // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (6-9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / отв. ред. В.В. Васильева. СПб., 2016. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1481115662_5389.pdf (дата обращения 19.04.2017).
40. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №47. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-mediatekstov-kak-osnova-formirovaniya-mediagramotnosti> (дата обращения: 11.04.2017).

Нормативные правовые акты:

41. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 02.05.2017).

42. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 28.03.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения 02.05.2017).

43. Закон РФ от 27.12.1991 № 2121-1 (ред. от 03.07.2017) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения 02.05.2017).

44. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 02.05.2017).

45. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 Т 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.05.2017).

46. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 02.05.2017).

47. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 02.05.2017).

48. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения 21.04.2017).

49. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. №114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 02.05.2017).

50. Федеральный список экстремистских материалов // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://minjust.ru/ru/nko/fedspisok/%C2%BB?field_extremist_content_value=&page=19 (дата обращения: 08.04.2017).

Эмпирический материал

1. Анна Гордеева. Давайте негромко, давайте вполголоса // Сайт издания «Лента.ру» от 20.04.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/20/gmgordeeva/> (дата обращения 20.04.2017).

2. Антон Скрипунов. Испытание "Матильдой": какие еще фильмы невзлюбили верующие // Интернет-сайт «РИА Новости» от 18.04.2017. URL: <https://ria.ru/religion/20170418/1492473382.html> (дата обращения 20.04.2017).

3. Вайолет Мосс Браун. Старейшим человеком в мире признали жительницу Ямайки // Сайт издания «Лента.ру» от 17.04.2017 URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/17/oldest/> (дата обращения 19.04.2017).

4. В Израиле задержали россиянина // Новостной портал «Территория новостей» от 27.12.2015. URL: <http://nter.net.ua/exclusive/v-izraile-zaderzhali-rossiyanina/179141> (дата обращения 19.04.2017).

5. В Петербурге умер один из пострадавших при взрыве в метро // Интернет-сайт «РИА Новости» от 12.04.2017. URL: <https://ria.ru/incidents/20170412/1492083539.html> (дата обращения 20.04.2017).
6. Ганапольского уличили в грандиозной лжи и провокации ко Дню народного единства // Официальный сайт телеканала «РЕН ТВ» от 06.11.2015. URL: <http://ren.tv/novosti/2015-11-06/ganapolskogo-ulichili-v-grandioznoy-lzhi-i-provokacii-ko-dnyu-narodnogo-edinstva> (дата обращения 19.04.2017).
7. Генконсул объяснил, как петербургский террорист получил гражданство России // Интернет-сайт «РИА Новости» от 19.04.2017. URL: <https://ria.ru/incidents/20170419/1492594584.html> (дата обращения 19.04.2017).
8. Михаил Карпов. Достали // Сайт издания «Лента.ру» от 19.04.2017 URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/19/alchemy/> (дата обращения 20.14.2017).
9. Невозможно запретить детям сидеть в соцсетях, считает глава Роскомнадзора // Интернет-сайт «РИА новости» от 19.04.2017. URL: <https://ria.ru/society/20170419/1492589619.html> (дата обращения 19.04.2017).
10. Олег Парамонов. Романтика на колесах // Сайт издания «Лента.ру» от 19.04.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/19/vanlife/> (дата обращения 19.04.2017).
11. Оскорбившего Путина журналиста уволили из FoxNews // Интернет-сайт «РИА Новости» от 19.04.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170419/1492625762.html> (дата обращения 19.04.2017).
12. Павел Баранов. Видеоролик «Гитлер 1945 / Навальный 2018 – МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ!» от 18.04.2017 // видеохостинг «YouTube» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rosjVJieKnw> (дата обращения 21.04.2017).
13. Поклонская попросила генпрокурора проверить фильм «Матильда» // Интернет-сайт «РИА Новости» от 02.11.2016. URL: <https://ria.ru/society/20161102/1480509271.html> (дата обращения 19.04.2017).

14. People в пятый раз признал Джулию Робертс самой красивой женщиной в мире // Сайт издания «Лента.ру» от 19.04.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/19/themostbeautiful/> (дата обращения 19.04.2017).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лингвистические словари, рекомендуемые для судебно-лингвистической экспертизы (по данным на 2017 г.)¹¹⁰

Толковые словари

1. Большой академический словарь русского языка (БАС-3). / под ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. СПб., 2004-2014.
2. Новейший большой толковый словарь русского языка (БТС). / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., М., 2008.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
4. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь. М., 1990.
5. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., с 2007 г.
6. Нечаева Е.Н., Захаренко Е.Н., Новый словарь иностранных слов. М., 2006.
7. Новый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2001.
8. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. М., 2009.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984.
10. Современный толковый словарь русского языка / под ред. А.С. Кузнецова. СПб., 2002.

¹¹⁰ Список составлен на основании двух источников: 1. Проблема выбора авторитетного лексикографического издания в лингвоэкспертной практике: матер. науч.-практ. конф. «Лингвистическая экспертиза: теория и практика» / Институт лингвистических исследований РАН. 27-29 апреля 2016 г. // Личный архив автора ВКР; 2. Приказ Санкт-Петербургского государственного университета от 26.11.2015 №9066/1 «О реализации требований законодательства к языку локальных нормативных актов СПбГУ» (с доп. от 24.12.2015 Приказ №10515/1) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета. URL: http://spbu.ru/images/orders/2015/9066_1.pdf

11. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2011.

Аспектные словари

1. Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон: историко-этимологический словарь. М., 2009.
2. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М., 2007.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.
4. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона. М., 2001.
5. Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь / под ред. А.С. Герда. СПб., 2003.
6. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.

Справочно-лингвистические словари

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М., 2000.
2. Блинова О.И., Сыпченко С.В. Мотивационный словарь сибирского говора. Томск, 2010.
3. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. М., 2008.
4. Глинкина Л.А. Современный этимологический словарь русского языка. М., 2009.
5. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2008.
6. Лопатин В.В., Иванов О.Е., Сафонова Ю.А. Учебный орфографический словарь русского языка. М., 2006.
7. Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2008.

8. Русский орфографический словарь / под ред. В.В. Лопатина. Академия наук. М. 1-е изд. (2001) и 2-е изд. (2005, 2007, 2010, 2011).
9. Соловьев Н.В. Орфографический словарь русского языка. СПб., 2006.
10. Соловьев Н.В. Словарь правильной русской речи. М., 2004.
11. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2008.
12. Федоров А.И. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.

Исторические словари русского языка

1. Дювернуа А.Л. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.
2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1890-1912.
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. (с 1975 г.)
4. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. (с 1988 г.)
5. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. (с 2001 г.)
6. Словарь русского языка XVIII в. (с 1984 г.)
7. Словарь русского языка XIX в. (с 2002 г.)

Словари новых типов

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
2. Большой толковый словарь русских глаголов / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2008.
3. Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2008.

4. Быкова Г.В., Стернин И.А., Фраер В.Л. Лакуны русского языка. Благовещенск., 2008.
5. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.
6. Кожевников А.Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. СПб., 2001.
7. Максимов В.И. и др. Словарь перестройки. СПб., 1992.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
9. Новиков В. Словарь модных слов: языковая картина современности. М., 2008.
10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2003.
11. Полный словарь диалектной языковой личности / под ре. Е.Е. Иванцовой. Томск., 2012.
12. Проспект активного словаря русского языка. Академия Наук. М., 2010.
13. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
14. Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М., 1997.
15. Тайна именования: Словарь фирмонимов – новейших названий предприятий Вятского края в конце XX века / сост. Т.К. Николаева. Киров-на-Вятке, 1998.
16. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 1998 (2-е изд, 2000г.).

Интернет-словари и справочные ресурсы

1. Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: <http://www.gramota.ru/>(дата обращения 06.05.2017).

2. Сайт «Культура письменной речи». URL: <http://gramma.ru/> (дата обращения 06.05.2017).
3. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения 06.05.2017).
4. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/feb/dict.htm> (дата обращения 06.05.2017).
5. Сайт «Словари.ру». URL: www.slovari.ru (дата обращения 06.05.2017).
6. Словарь русских народных говоров // Сайт Института лингвистических исследований РАН. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html> (дата обращения 06.05.2017).
7. Этимология и история слов русского языка // Словарь Академии Российской. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sar> (дата обращения 06.05.2017).
8. Словари русского языка для скачивания. URL: <http://www.speakrus.ru/dict/> (дата обращения 06.05.2017).